

КУРЬЕР

МАЙ 1987

Открывая

мир

Время жить...

Вокзал-музей

Вокзал д'Орсе был построен в 1898—1900 гг. Когда-то сюда, в центр Парижа, по подземным путям прибывали поезда. Шло время, техника развивалась, появились новые транспортные артерии, и через тридцать лет вокзал перестал выполнять свои функции. Чего только не происходило с тех пор под его гигантским металлическим куполом. Вокзалу угрожало сношение, но в 1978 г. было решено превратить его вместе с прилегающим к нему отелем в музей французского искусства второй половины XIX в. В 1986 г. музей д'Орсе открыл свои двери для посетителей. Вверху: вид главного зала. Там, где раньше были железнодорожные пути и платформы, раскинулась экспозиция. В глубине — старые вокзальные часы.

Путешествия — одна из самых старых и важных областей человеческой деятельности. Причины путешествий многочисленны и разнообразны — от поисков первобытными людьми новых мест для охоты до стремления современного человека покорить космическое пространство. Движимые коммерческими, религиозными и политическими мотивами путешественники преодолевали горы, пустыни, моря и океаны в поисках новых земель, стремились установить контакты с неизвестным дотоле миром.

Этот номер «Курьера ЮНЕСКО» не претендует на полное освещение всех видов путешествий, имевших место в древние времена и в наши дни. Главное внимание в нем обращено на ту роль, которую они играют в познании культурного многообразия мира. С этой целью редакция журнала подготовила антологию отрывков из книг о путешествиях, созданных в разные времена и в разных странах. При этом мы стремились к тому, чтобы отрывки давали наиболее широкое представление о мире как в географическом, так и в культурном аспектах. В них нашли отражение сходства и различия между народами, отмечается существование в некоторых случаях глубоких культурных противоречий. В то же время в них признается общность человеческого опыта, порой в совершенно неожиданной форме, и постепенно вырисовывается облик многообразного мира человека.

Исходя из поставленной нами задачи, мы решили не включать в антологию так называемые объективные наблюдения: описания климата, ландшафта, флоры и фауны, форм политической организации и обычаев — то есть все то, что характерно для географических и этнографических исследований.

Отобранные отрывки сгруппированы по разделам. В сокровищнице мировой литературы о путешествиях можно, несомненно, найти много других произведений, и если в нашей антологии отсутствуют имена таких великих путешественников, как Марко Поло, Луи Антуан де Бугенвилль и Александр Кинглейк, то только потому, что, учитывая небольшой объем журнала, мы стремились представить путешественников, пользующихся меньшей известностью, таких, например, как Олаудах Эквиано и Ян Мюрдаль, и прежде всего показать, что нет такого направления, в котором бы не устремлялся человек, движимый страстью к приключениям.

Главная цель, которую мы преследовали, подбирая эти отрывки, — показать, как у людей формируются представления, порой искаженные, друг о друге.

1-я стр. обложки: композиция, выполненная на основе русского лубка XVIII в. «История Иосифа Прекрасного» (гравюра на дереве).

Обложка © Материалы Национальной библиотеки, Париж

4-я стр. обложки: японская гравюра Кейсаи Йосику (1833—1904). Заезжий голландский моряк с сигарой в руках рассказывает элегантно даме о своих морских приключениях. В верхней части гравюры японскими иероглифами записана примерная фонетическая транскрипция некоторых английских и голландских слов.

Photo George Ducret © Galerie Janette Ostier, Paris

Главный редактор Эдуард Глиссан

4 Дорогами странствий Жак Бросс

Вселилие мифа

- 8 Земной рай Христофор Колумб
- 9 В поисках амазонок Кристоаль де Акунья
- 10 Первые люди на Луне Нил А. Армстронг и Эдвин Э. Олдрин

Первооткрыватели и открытия

- 11 Месса под гром пушек Фердинанд Магеллан / Антонио Пигафетта
- 12 Спасенные индейцами Жак Картье
- 12 Праздник на островах Дружбы Джеймс Кук
- 13 Русский на Аляске Григорий Шелихов
- 14 Речная почта Александр Гумбольдт

Купцы и путешественники

- 15 «Хождение за три моря» Афанасий Никитин
- 16 Англичанин в Мадриде Джордж Борроу

Искусство общения

- 17 Как я стал Густавом Вазой Олаудах Эквиано
- 18 Длинный нос, белая кожа и «медоточные уста» Мунго-Парк
- 23 Веселое житье на острове Виктор Сегален

Пилигримы и миссионеры

- 24 Как буддизм пришел в Карна Суварну Сюань-Цзан
- 25 У регента Тибета Режис Эварист Гюк

Странствия души

- 26 Мистический путь Фарид-ад-Дин Аттар

Путешествия в Европу

- 27 Дипломаты под надзором Фукудзава Юкити
- 28 Не как у нас Юань Цзучжи
- 30 Демократия танцевального зала Доминго Ф. Сармьенто
- 31 Китайский генерал в Париже Чэнь Цзитун
- 32 Индийский поэт в гостях у английского священника Рабиндранат Тагор

Кабинетные путешественники

- 33 Париж-на-Темзе Жорис Карл Гюисманс

Плывущие чтоб плыть

- 34 О пользе повиновения принцессам Ибн Баттута
- 35 К сердцу Африки Рене Кайе
- 36 Усилием воли Александра Давид-Неель
- 37 Размышления на «крыше мира» Ян Мюрдаль

- 2 Время жить...
Вокзал-музей (Франция)

Курьер

Окно, открытое в мир

Публикуется ежемесячно на 32 языках ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Париж, 75700, Плас Фонтенуа, 7.

Русском
Английском
Французском
Испанском
Немецком
Арабском
Японском
Итальянском
Хинди

Тамили
Иврите
Персидском
Голландском
Португальском
Турецком
Урду
Каталанском
Малайзийском

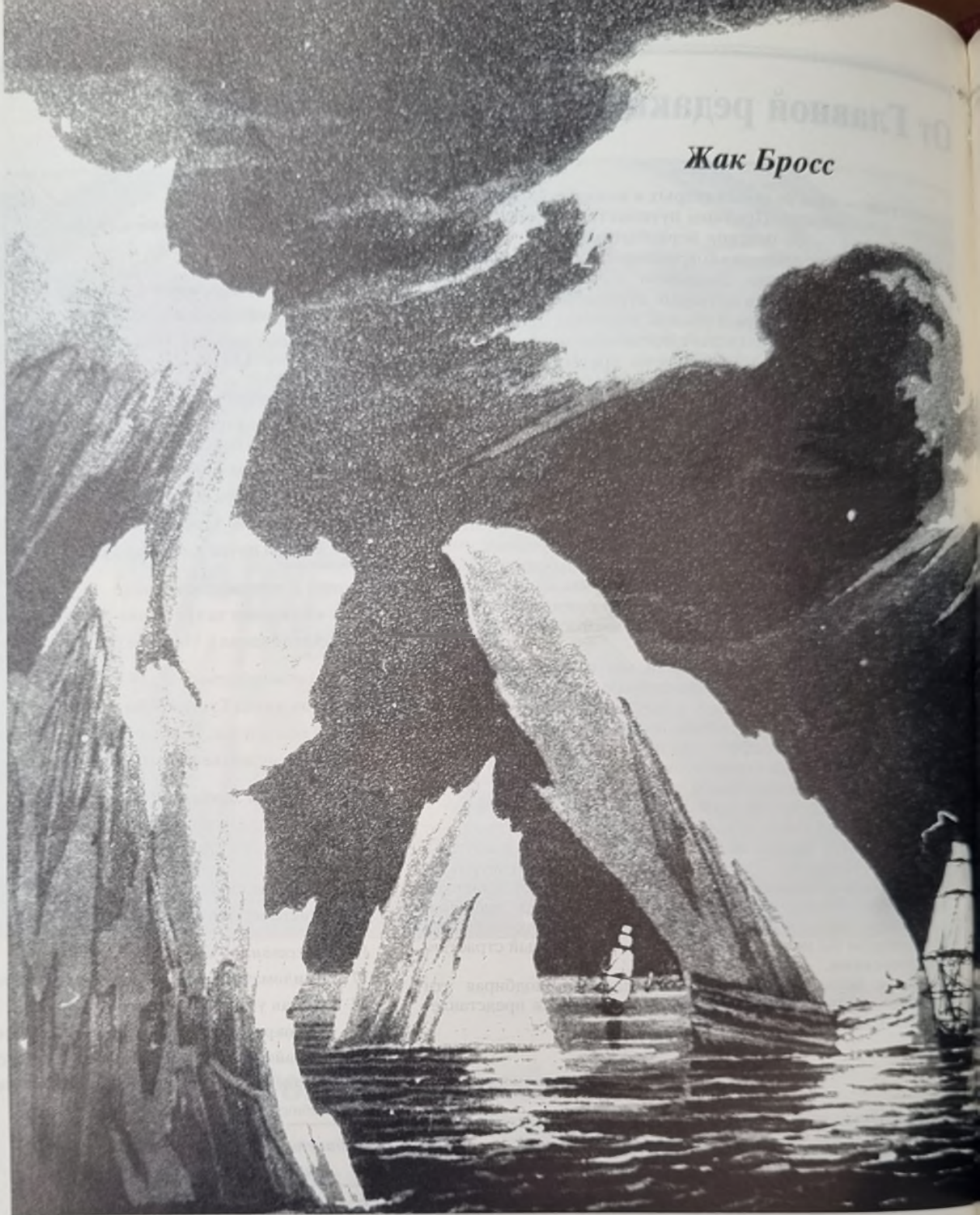
Корейском
Суахили
Македонском
Хорватско-сербском
Словенском
Сербско-хорватском
Китайском

Болгарском
Греческом
Сингальском
Финском
Шведском
Баскском
Тайском

Шрифтом Брайля ежеквартально публикуется подборка статей на английском, французском, испанском и корейском языках.

ISSN 0304 — 3150

Жак Бросс

В древние времена образцом для путешественников служили странствия и подвиги мифологических героев. Полулюди-полубоги, герои эти были призваны раздвинуть границы известного человеку мира за счет непознанного, установить связь между земной жизнью, божественным эмпиреем и подземным царством мертвых. Причем они могли не только переступить порог царства мертвых, но и возвращаться из него: это было одно из уготованных им испытаний, ибо завоевать бессмертие значило для них проникнуть в такие уголки земли, куда еще никто не добирался.

Примером тому Геракл, побывавший в садах Гесперид, а затем в Аиде, Ясон с аргонавтами, отправившийся за золотым руном, троянец Эней, смертный сын Афродиты, долго странствовавший по Азии и Африке, а потом, в Италии, давший жизнь народу, которому предстояло владычествовать над миром, и, наконец, прообраз стольких путешественников богоподобный Улисс. Описание его путешествия, «Одиссея», лежит у истоков древнегреческой литературы, однако ему предшествовал созданный на много веков раньше «Эпос о Гильгамеше»,

шумерском герое, странствовавшем в поисках тайны бессмертия. Точно так же древнейшие китайские путешественники отправлялись на острова Бессмертных и гору Куньлунь — центр мира. Иной раз в странствия пускались сами боги, а люди с нетерпением ожидали их возвращения. Так, индейцы, на свою беду, приняли конкистадоров за свиту возвращавшегося божества Кецалькоатля, пернатого Змея. А для гавайцев появление в бухте Кеалакекуа огромных кораблей, груженных несметными богатствами, могло означать только одно — возвращение бога Лорно, которого они признали в лице капитана Кука, павшего в итоге жертвой этой ошибки.

В своей первооснове путешествие представляет собой не столько приключение, сколько духовный поиск. Решение покинуть родные края рождается, конечно же, из желания сменить обстановку, преодолеть рутину будней, но еще в большей степени из стремления измениться самому, отделаться от «себя прежнего», стать на путь внутренних перемен. Этапы путешествия соответствуют стадиям инициации; путешественник восходит по ступеням постижения тайны, а встречи с чудовища-

Дорогами странствий

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris

Плавание во льдах. Иллюстрация из книги английского исследователя Джона Росса (1777—1856) о своей первой экспедиции по отысканию Северо-западного прохода между Атлантическим и Тихим океанами, предпринятой в 1818 г.

ми — это символические испытания, которым должен подвергаться посвящаемый. Для всех, кто, провозжая путешественника, восхищался его отвагой, он возвращается иным человеком, героем, отмеченным печатью неизвестности.

Понятое таким образом путешествие может осуществляться даже без перемещения в пространстве, то есть быть исключительно внутренним. Иногда это сон наяву, например сошествие Данте в ад. Существует богатая традиция путешествий-инициаций, яркими образцами которых являются «Пантакрюэль» Франсуа Рабле, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта и «Поиски о Граале». Сами по себе рыцарские подвиги здесь второстепенны и достигают цели — отыскание чаши с кровью Спасителя — лишь при условии внутреннего преображения героя. Ни Ланселот, ни Персеваль не смогли понять этого до конца и потому потерпели неудачу. Галахад достиг заветной цели только тогда, когда полностью отрешился от себя, обрел кристальную чистоту, уподобившись до некоторой степени объекту исканий — Иисусу Христу. Урок легенды о священном Граале применим ко всем путешествиям вообще. Они увенчиваются

успехом лишь в том случае, если человеку, отправившемуся на поиски иных начал, удастся приблизиться к ним внутренне.

Подобное эзотерическое осмысление поисков встречается также в китайской и японской литературе и восходит, по всей вероятности, к «путешествиям» шаманов, ибо в прежние времена шаманство было распространено повсюду в Азии. Важно отметить, что шаман отправляется в опасное магическое путешествие вовсе не для личной выгоды, а лишь как посредник между человеческим обществом, которое он представляет, и миром богов, которые возложили на него эту миссию, наделив его способностью достигать их небесной обители, недоступной для прочих смертных. Точно так же Данте спускался по кругам ада, а Галахад отправлялся на поиск Грааля, чтобы приобщить людей к тайне, поведать другим о том, что они видели и что дано было увидеть лишь им.

С современной точки зрения все эти приключения — вымысел, но только с современной. В описаниях древнейших странствий миф и реальность нерасчленимы, что крайне затрудняет их рационалистическое толкование, поскольку в них далеко не

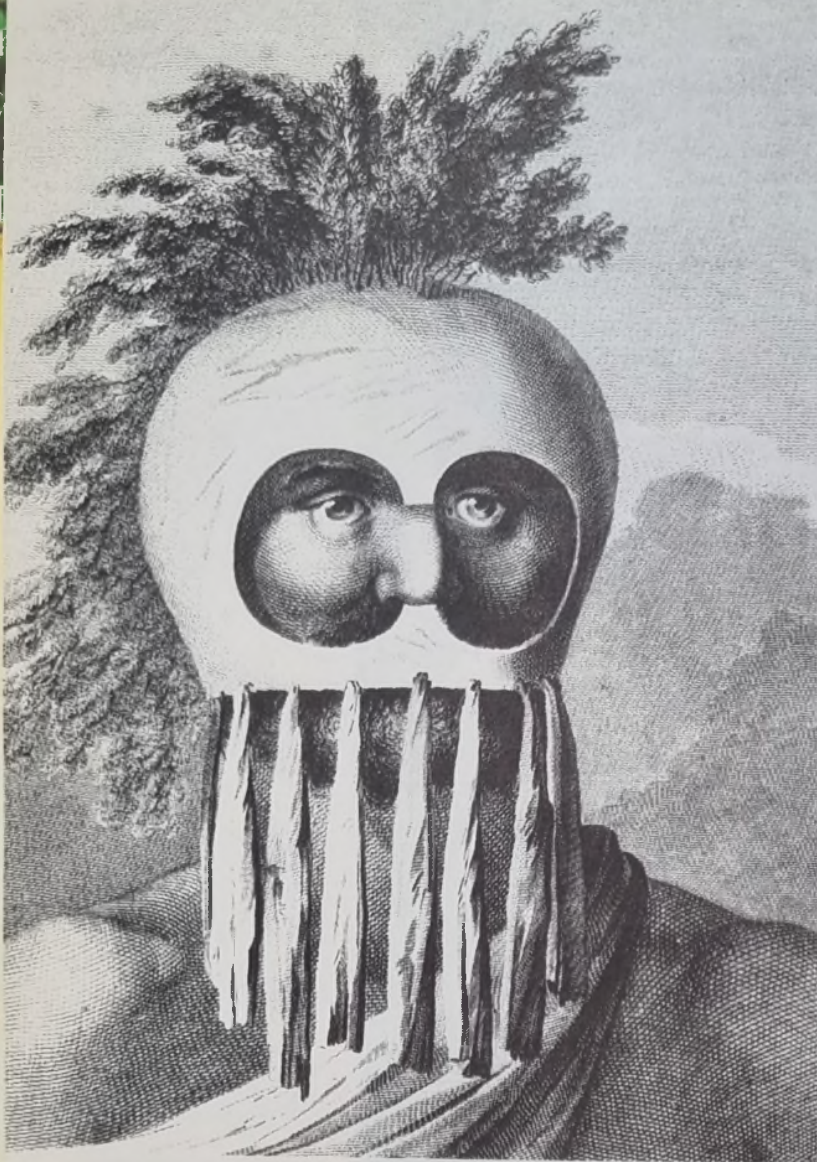

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris. Bibliothèque nationale, Paris

Человек в маске с Сандвичевых (Гавайских) островов. Иллюстрация из атласа третьей экспедиции (1776—1780) английского мореплавателя Джеймса Кука.

всегда можно отличить подлинные географические сведения от символики, а реальные объекты нередко несут символическую нагрузку. Мы наблюдаем это и в «Одиссее», и в дидактическом романе «Плавание святого Брендана», имевшем необычайный успех в средние века, и даже в записанном торговцами «Перипле» карфагенского мореплавателя Ганнона, который около 450 года до н. э. подробно исследовал западное побережье Африки до Гвинейского залива, и в «Книге Марко Поло», представляющей собой «описание мира», а следовательно, космологию. Христофор Колумб, как известно, до самой своей смерти был убежден, что открыл не Новый Свет, а острова Японии и побережье Китая.

Вплоть до великих морских экспедиций эпохи Возрождения всякое путешествие протекало в двух измерениях: вертикальном, или, говоря сегодняшним языком, субъективном, и горизонтальном, земном, то есть объективном. Следует отметить, что именно в этой двойственности, затрудняющей наше сегодняшнее восприятие, и заключался для современников истинный смысл странствия. Иначе и не могло быть в средневековой Европе, где путешествовали по преимуществу паломники и их вооруженные аналоги — крестоносцы. В далеких краях они искали отпущение грехов, спасение души, обретая на земле обетованной свою небесную отчизну. Именно с этих позиций составлены немногие дошедшие до нас письменные свидетельства, своего рода путеводители для паломников по Святой земле.

Точно так же китайские монахи видели цель своих странствий

в посещении буддийских святынь. Однако монахи эти были людьми образованными, они отправлялись в Индию на поиски священных текстов, а не собственно реликвий. Описания путешествий Фасяня (V в.), И Цина и особенно Сюань-Цзана (VII в.) являются замечательными документами, представляющими историческую и географическую ценность.

Религиозные искания заставляли и арабов странствовать по Востоку. Мусульманину поневоле приходилось становиться путешественником, так как его религия предписывает ему хотя бы один раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Кроме того, поскольку арабы рассеялись в древности по всему Старому Свету, учителя, способные передавать устную традицию, главную в исламе, жили на значительном расстоянии друг от друга. Мусульманину, желавшему усовершенствовать свои религиозные познания, предстояло, добираясь от учителя к учителю, странствовать по всему исламскому миру, и везде, куда бы ни заносила его судьба, он встречал помощь и поддержку единоверцев. Так родились рассказы о путешествиях Ибн Единовер (XII в.) и позднее Ибн Баттуты, за четверть века обобшедшего половину земного шара.

Арабы были ловкими коммерсантами и искусными мореплавателями, и широкое распространение ислама привело, кроме всего прочего, к зарождению международной торговли по суше и по морю. На протяжении всего средневековья арабы оставались единственными коммерсантами такого рода. Торговали они прежде всего пряностями. Благодаря информации, которую поставляли торговцы, добравшиеся до Китая и Индонезии, арабские географы смогли составить наиболее точное по тем временам представление о Востоке. Географы-мусульмане были одновременно астрономами и людьми высокой культуры, не только учеными, но и путешественниками. Описания странствий становятся у них настоящими исследованиями. Их отличает стремление к точности, рационализм, почти научность. Образцом для них служит «Исследование» (именно таков подлинный смысл названия «История») Геродота, жившего в Греции в 5 в. до н.э.; ведь арабы, как известно, следовали опыту греков. Можно сказать, что в эпоху далекого средневековья арабы были уже путешественниками нового времени.

Мы столь подробно останавливаемся на древних временах для того, чтобы выявить психологию первых путешественников и их статус, обеспечивавший им особое положение в обществе, поскольку к этому исходному типу путешественника восходят все последующие.

За тридцать лет, которые истекли со времени путешествия Христофора Колумба до первого кругосветного плавания, осуществленного экспедицией Магеллана, тридцать лет, за которые европейцы открыли Америку, а также путь в Индию и Тихий океан, смысл и цель путешествий резко изменились. Утратив свой священный характер, они претекают отныне только в одном измерении — горизонтальном. Их задача — установление контактов не с потусторонним миром, а с другими человеческими обществами. Но эти другие общества не являются своими, поскольку в них живут язычники, которых надобно прежде всего обратить в „истинную“ веру.

Путешественники XVI в., за редким исключением, принадлежат к новой разновидности, именуемой конкистадорами. Теперь это уже не любознательные и осторожные странники, а вожди вооруженных экспедиций, ведущие одновременно насильственное обращение коренного населения в христианство, захват территорий и ожесточенную погоню за наживой, которую они считают справедливой компенсацией за добросовестную службу богу и королю. Сначала это были португальцы, испанцы, потом голландцы, позднее англичане и французы; они основывали колониальные империи, куда вслед за ними устремлялись миссионеры и торговцы. Для американских индейцев и жителей Азии образ христианского Запада надолго остался таким, каким его представили первые колонизаторы.

Однако наряду с этой страстью к захватам еще теплился в людях огонек бескорыстной любознательности, вспыхнувший с новой силой в эпоху Возрождения. Гуманистическое стремление познать мир, природу и людей во всем их многообразии руководило естествоиспытателями от француза Пьера Белона и итальянца Просперо Альпини в XVI в. до шведа Петера Гунберга и

шотландца Давида Дугласа в начале XIX в. Эти отважные люди, всецело посвятившие свою жизнь сбору научных знаний, осуществившие свои путешествия самостоятельно, олицетворяли мирное начало в противовес циничной и жестокой политике современников.

Именно это направление, которое историки путешествий зачастую оставляют в тени, особенно интересует нас, поскольку оно породило новый тип путешественника. Просуществовав до начала XIX в., оно достигло наибольшего расцвета в эпоху Просвещения. С 1750 г. начинается период больших морских экспедиций, которым предстояло исследовать все, что осталось неисследованным в Южном полушарии вплоть до Антарктического континента (его существование было тогда предметом горячих споров), заполнить белые пятна на картах, составить более точное и более полное представление о планете.

Именно этой цели и добился в своих трех плаваниях капитан Джеймс Кук. Подобно своему непосредственному предшественнику Луи Антуану де Бугенвиллю и своим последователям, перенявшим у него методы исследования, эффективность которых он доказал, Кук путешествовал в сопровождении группы ученых, проводивших систематическое изучение фауны и флоры. Благодаря подробным описаниям кругосветных плаваний Кука нам хорошо известны имена этих молодых, преданных своему делу естествоиспытателей, которые добровольно подчинялись суровой морской дисциплине и работали в чрезвычайно сложных для них условиях, зачастую рискуя жизнью.

И все-таки многие, возвращаясь домой, отправлялись в новые путешествия, длившиеся по 3—5 лет. Так поступил и сам Кук, бывший для них всех недостижимым идеалом, героем. Сын

батрака, самоучка, начавший службу простым матросом, Кук стал опытным мореплавателем, сочетавшим умение руководить с непрестанной заботой об экипаже. Наиболее удивительным для нас является его доброжелательное отношение к туземному населению. Только крайние обстоятельства могли вынудить его применить насилие; он стремился к изучению совершенно чуждых ему нравов и верований, проявляя при этом такую широту ума и столь пристальное внимание, что, сам того не подозревая, стал основателем этнографии, которая предполагает не просто наблюдение, но и диалог.

Антипод колонизатора, Кук, однако, никогда не впадал в противоположную крайность, в культ «добраго дикаря», свойственный философам XVIII в., о которых писал Жан Франсуа де Гало, граф де Лаперуз, одно время разделявший их иллюзии, но поневоле разочаровавшийся: «Они сочиняют свои книги в теплом уголке у камина, а я путешествую вот уже тридцать лет». Вскоре после того он и его спутники были растерзаны «детьми природы».

Золотой век путешествий продлился недолго. Если француз Жюль Себастьян Сезар Дюмон-Дюрвиль, один из первооткрывателей Антарктиды, и даже его соперники американец Чарлз Уилкс и англичанин Джеймс Кларк Росс были еще последователями Кука, то после 1843 г., с прекращением кругосветных плаваний, исчезает и сам дух тех времен. На смену гуманистическому идеализму приходят меркантильные интересы нарождающейся буржуазии. Религиозные миссии то и дело становятся пособниками сильных мира сего, авангардами армий захватчи-

ков. Однако жажда открытий, восхищение чудесами, теперь уже не сверхъестественными, а, наоборот, природными, по-прежнему вдохновляли естествоиспытателей, наиболее ярким примером которых был в начале XIX в. Александр Гумбольдт. Выходец из богатой дворянской семьи, один из последних гуманистов, человек подлинно универсальной культуры, немец Гумбольдт, казалось бы, являет полную противоположность Куку, все познавшему на практике, а между тем они во многом схожи и дополняют друг друга. «Путешествие в равноденственные области Нового Света, осуществленное в 1799—1804 годах» долго служило образцом для исследователей суши, подобно тому, как «Путешествия» Кука — для мореплавателей.

Достойными наследниками их обоих были англичане Чарлз Дарвин, путешествовавший на борту «Бигля», Генри Уолтер Бейтс и Алфред Рассел Уоллес, проложившие путь в великолепные и страшные джунгли Амазонки, а также исследователи, проникшие в сердце Африканского континента, долгое время оставшегося неизвестным: англичанин Мунго-Парк, француз Рене Кайе, путешествовавшие в одиночку, и, наконец, Давид Ливингстон, бесстрашный и великодушный миссионер. Ливингстон, погибший в 1873 г., был последним представителем племени скромных и бескорыстных героев-путешественников, к которым уже не принадлежал его прямой последователь американский журналист Стэнли.

С той поры исследования все чаще подчинялись интересам капитала, превращаясь в прелюдию новой формы порабощения. И хотя очарование неизвестности еще двигало последними путешественниками — исследователями полярных областей, их похождения все более уподоблялись спортивным подвигам.

Может ли сохраниться дух, вдохновлявший прежних искателей приключений, в наше время, когда для того, чтобы стать «героем», достаточно сесть на самолет? Ищет ли турист, сегодняшний путешественник, встречи с «другими людьми» и интересуют ли они его? Возможно, у путешествий осталось только одно будущее — исследование космоса. Но говорить об этом еще слишком рано. ■

Гравюра французского художника Эдгара Дега (1834—1917), созданная около 1857 г. Данте и Вергилий (слева, увенчанный лавровым венком) перед воротами ада. Сцена из 1-й части «Божественной комедии» Данте.

Photo © All Rights Reserved

ЖАК БРОСС (Франция) — писатель и естествоиспытатель, автор нескольких работ, среди которых «Les tours du monde des explorateurs», «Les grands voyages maritimes 1764—1843» с предисловием Фернана Броделя (1983) и «Terres promises» (о его собственном кругосветном путешествии; 1985). Он также является автором книги «Alexandra David-Néel, L'aventure et la spiritualité» (1978 г.) — первой биографии исследовательницы и писательницы Александры Давид-Неель.

Всесилие мифа

В представлениях европейских исследователей эпохи средневековья и Возрождения мифы и факты сливались воедино. Всплуччи, Магеллан, Колумб и их современники находились под влиянием записок своих предшественников, таких, как Марко Поло («Книга Марко Поло» была одним из любимых произведений Колумба), в которых реальность нередко переплеталась с фантазией. Кроме того, на их восприятии мира сказывались ограничения и неточности картографии того времени, а также многочисленные мифы, продолжавшие существовать и в более поздние времена.

Земной рай

Христофор Колумб

Во времена генуэзского мореплавателя Христофора Колумба (1451—1506) существование рая на Земле не вызывало сомнений. Происхождение этого мифа восходит к Библии, где говорится: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал» («Бытие», II, 8). Желание найти этот рай не оставляло Колумба во всех его экспедициях, отправлявшихся на поиски западного морского пути в Китай и Индию. Подтверждение своей мечты он видел в богатой флоре и фауне Нового Света, его мягком климате и полноводных реках. Когда во время своего третьего путешествия в 1498 г. Колумб достиг дельты Ориноко на побережье Южной Америки, он был убежден, что наконец отыскал рай, который, в его представлении, должен был находиться там, где брал свое начало этот мощный поток пресной воды.

Священное писание свидетельствует, что господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира — Гангу в Индии, Тигру и Евфрату... которые пересекают горную цепь, образуют Месопотамию и текут в Персию, и Нилу... который впадает в море близ Александрии. Я не нашел и не могу найти в сочинениях римлян и греков сколько-нибудь определенных указаний на местоположение в этом мире земного рая. Не приходилось видеть его также ни на одной карте мира, составленной на основе авторитетных данных. Некоторые помещают его у истоков Нила в Эфиопии, однако посетившие эти земли не нашли там такого места, которое по климату и по высоте соответствовало бы земному раю, т.е. признаков, которые позволяют заключить, что он находится именно тут, ибо нет в тех краях места, куда бы не доходили воды всемирного потопа, поднявшиеся вверх, и т.д. Некоторые язычники желали доказать путем допущений, что земной рай находится на Счастливых островах, которые ныне называются Канарскими, и т.п. Исидор, Беда, Страбон, магистр схоластической истории, Амвросий, Скотт и все ученые-богословы полагают, что рай земной находится на востоке.

Я уже высказывал свое мнение об этом полушарии и о его форме. И я полагаю, что если бы я прошел ниже экваториальной линии, то, добравшись тут до наиболее высокого пункта, я обнаружил бы еще более мягкий климат и перемены в расположении звезд, а также и другие виды. Но я не направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на Земле, не потому, что здесь непроходимые моря, а поскольку я верю — именно там находится рай земной, и никому не дано попасть туда без божьего соизволения.

Я убежден, что эта земля, которую ныне повелели открыть ваши высочества, величайших размеров и что на юге имеется еще много иных земель, о которых нет никаких сведений. Я не считаю, что земной рай имеет форму отвесной горы, как это многими описывается; я думаю, что он лежит на вершине, в той части зем-

«Земля», или «Земной рай» — фрагмент картины на меди фламандского художника Яна Брейгеля (1568—1625), прозванного Бархатным.

Photo © Bulloz, Paris. Musée du Louvre, Paris

ли, которая имеет вид выступа, подобно выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину. Я полагаю, что никто не может достичь этой вершины, а оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издали, текут в места, где я нахожусь, и образуют это озеро.

Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные приметы: ведь мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Государственное издательство географической литературы. М., 1956.

Эту амазонку, олицетворяющую Америку, изобразил французский писатель и художник Жак-Савер (1757—1810) в книге, рассказывающей об истории костюма народов мира (1784).

В поисках амазонок

Кристобаль де Акунья

Согласно древнегреческой легенде, амазонки были женщинами-воительницами; они выжигали у своих дочерей правую грудь, чтобы она не стесняла движений при стрельбе из лука. В XVI в. исследователь Южной Америки испанец Франсиско де Орельяна утверждал, что он сражался с индианками, которые были похожи на амазонок. Именно поэтому река Мараньон, недалеко от которой произошла эта стычка, была впоследствии переименована в Амазонку (некоторые, однако, полагают, что это название происходит от индейского слова). Услышав эту историю, несколько путешественников отправились в Южную Америку на поиски амазонок. Среди них был и испанский иезуит, отец Кристобаль де Акунья (1597—1675), принявший в 1639 г. участие в одной из первых экспедиций по исследованию бассейна реки Амазонки. Даже столетие спустя, в эпоху Просвещения, такой исследователь Южной Америки, как Шарль Мари Кондамин, еще верил в существование амазонок.

Nuevo descubrimiento del gran río de las Amazonas el que fue y se hizo por orden de su Majestad el año 1639 por las provincias de Quito en los Reynos del Perú, 1641.

Если спуститься вниз по течению Амазонки, то в ста пятидесяти километрах от последней деревни Тупинамбас выходишь к ее притоку, текущему с севера. Индейцы, обитающие в месте впадения этого притока в Амазонку, называют его Кумулис. Выше живут индейцы племени Гапаро, затем иагари, а далее — гуакари, счастливое племя, удостоенное благоклонности амазонок. Гуакари построили свои деревни на склонах уходящих в облака гор (Гвианское плоскогорье). Одна из вершин называется Такамиаба. Она выше других и лишена растительности, ибо над ней постоянно дуют сильные ветры. Здесь живут амазонки.

Эти женщины проводят свою жизнь вдали от мужчин и защищают себя сами. Однако в определенное время года их посещают живущие по соседству гаукари. Завидев приближающихся мужчин, амазонки хватаются за оружие, опасаясь нападения, но, узнав своих друзей, спешат вниз, чтобы встретить их лодки. Каждая женщина берет из лодки гамак и вешает его в своем жилище. Через несколько дней мужчины отправляются домой, но через год обязательно возвращаются. Появившихся на свет после этого девочек воспитывают матери, они учат их работать и обращаться с оружием. Что же касается мальчиков, то никто не знает, что становится с ними. Индеец, который еще юношей вместе со своим отцом побывал у амазонок, рассказывал мне, что на следующий год женщины отдают младенцев мужского пола отцам. Однако принято считать, что они их умерщвляют. Утверждать что-либо наверняка я не могу.

Как бы то ни было, эти женщины владеют сокровищами, с которыми не могут сравниться все богатства мира. Устье реки, по берегам которой они живут, расположено на двадцатом градусе южной широты.

Первые люди на Луне

Нил А. Армстронг и Эдвин Э. Олдрин

21 июля 1969 г. осуществилась давняя мечта человека побывать на Луне. Первыми людьми, ступившими на нее, стали два американских астронавта — Нил А. Армстронг и Эдвин Э. Олдрин. Справа помещен отрывок разговора, происходившего между ними во время этого исторического события. Один из древнейших символов Вселенной, источник бесчисленных мифов, легенд и культов, Луна наконец показала свое настоящее лицо. Со времен античности до наших дней этот ближайший космический сосед Земли питает фантазию многих и многих писателей. В XVII в. француз Сирано де Бержерак написал роман о воображаемом путешествии небольшого парусника, поднятого испарениями росы и увлеченного на Луну. В XIX в. герои романа Жюль Верна «С Земли на Луну» облетели ее в комфортабельном вагоне-снаряде. В 1950-е годы захватывающее путешествие на Луну совершили Тинтин и его друзья — герои бельгийского карикатуриста Эрже (Жорж Реми, 1907—1983). В воображении двух поколений читателей Тинтин — первый человек, ступивший на Луну...

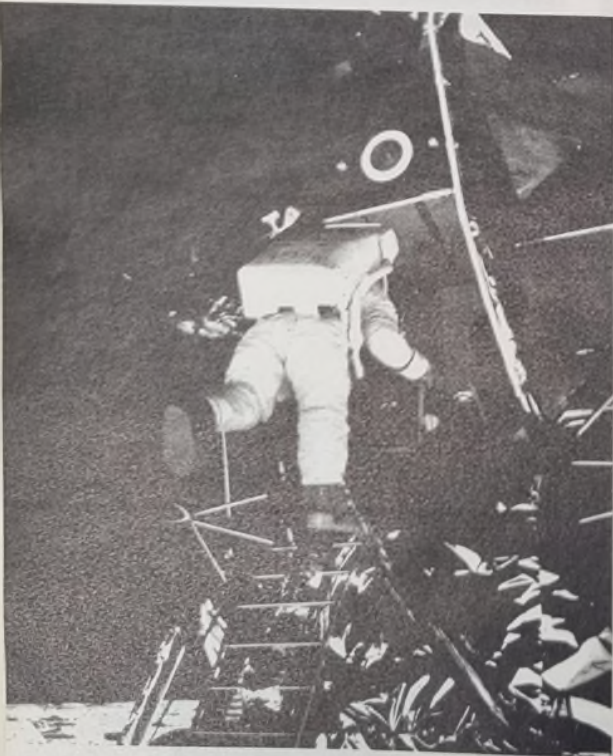

Photo © IPS, Paris

Армстронг: О'кей, Хьюстон*, я на трапе.

Хьюстон: Поняли тебя, Нил.

Олдрин: Остановись на минуту, Нил.

Армстронг: О'кей.

Олдрин: Здесь все в полном порядке.

Армстронг: Можешь приоткрыть люк пошире?

Олдрин: Открыл.

Хьюстон: Пошло телеизображение.

Олдрин: Как картинка, хорошая?

Хьюстон: Очень контрастная и вверх ногами. Но хорошо видны многие детали.

Армстронг: Проверьте экспозицию, какую выдержку мне ставить?

Хьюстон: Что проверить? Мы видим, как ты спускаешься по трапу.

Армстронг: Я на нижней ступеньке. Опоры кабины вдавлились в грунт всего на один-два дюйма, хотя поверхность кажется очень мелкозернистой. Грунт одного человека — гигантский прыжок всего человечества. Грунт порошковый, образный. Могу поддеть его носком ботинка. Прилипает к ногам, как угольная пыль, тонким слоем снизу и сбоку. Подошвы вдавливаются в грунт совсем чуть-чуть, где-то на одну восьмую дюйма. В грунте остаются мои следы, отпечатки подошвы, как в мелком песке... Идти совсем нетрудно. В тени здесь совсем темно, с трудом вижу, куда ступаю. Направляюсь на солнечную сторону, на Солнце не смотрю. Сейчас, судя по положению кабины, стою точно в середине ее тени и смотрю на... в окнах, все хорошо вижу. Свет довольно ярко отражается кабиной, так что все хорошо видно. Отхожу, чтобы сделать первые снимки.

Олдрин: Будешь брать пробу? Давай.

Армстронг: Что-то не получается. Поверхность поддается с трудом. Любопытно. Очень мягкий слой сверху, но там, где втыкаю шуп для забора пробы, натываюсь на твердую поверхность. Похоже, это все тот же грунт, только как бы спрессованный. Попробую найти камень.

Хьюстон: Вид отсюда просто великолепный, Нил.

Армстронг: Неповторимая, холодная красота. Очень напоминает пустыни в Штатах. Выглядит иначе, но очень красиво. Сообщаю, что здесь много образцов скальных пород, поверхность их кажется ноздреватой.

Олдрин: Готов к моему выходу?

Армстронг: Готов. Погоди секунду, только перекину через поручень.

Олдрин: О'кей?

Армстронг: Все в порядке. Ты готов?

Олдрин: Все готово... Сколько от моих ног до...

Армстронг: Ты у самого люка.

Олдрин: Ступаю тихо, тихо. Трап. Наклоняюсь... совсем нетрудно. Теперь надо выпрямиться и слегка прикрыть люк — но так, чтобы не захлопнуть его совсем.

Армстронг: Неплохая мысль...

Олдрин: На ближайший час-другой это наш дом, о нем надо заботиться. Я на верхней ступеньке. Прыгать с одной ступеньки на другую здесь совсем просто.

Армстронг: Точно, очень удобно, и ходить здесь тоже очень удобно, Хьюстон. Тебе осталось три ступеньки, а затем большой пролет.

Олдрин: Этой ногой обапрись сюда, а обеими руками буду держаться за четвертую снизу.

Армстронг: Еще чуть-чуть. Примерно дюйм. Достал. Вот это шаг!

Олдрин: Фу! в три. Прекрасный вид.

Армстронг: Великолепно, правда?

Эдвин Э. Олдрин, второй человек, ступивший на Луну, спускается по трапу лунной кабины «Аполлон-11» на «пыльную гладь» Моря Спокойствия.

*Город в штате Техас (США), где находится Космический центр им. Л. Джонсона Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Отсюда осуществляется управление полетами американских космических кораблей, пилотируемых астронавтами.

Первооткрыватели И ОТКРЫТИЯ

Совершая путешествия в далекие земли, европейские исследователи встречали не похожих на них людей, оказывались в необычном климате. Их представление о мире менялось. Средневековые понятия, основывавшиеся на фантазии и мифах, уходили в прошлое. Между европейцами и теми, кого они «открывали», происходили столкновения, а порой возникала жестокая вражда. Люди начали осознавать, что между цивилизациями существуют различия.

В пасхальное воскресенье, которое пришлось на последний день марта, рано утром Капитан послал капеллана на берег, чтобы отслужить мессу. Вместе с ним был отправлен и переводчик, который должен был сообщить вождю, что мы высадимся только для того, чтобы присутствовать на богослужении, и не будем участвовать в их трапезе.

Узнав об этом, вождь послал на корабль две свиные туши. Когда же наступило время торжественной мессы, Капитан отправился на берег в сопровождении пятидесяти человек, вооруженных лишь шпагами и пристойно одетых, насколько это было возможно. Прежде чем лодки достигли берега, наши корабельные пушки в знак мира дали шесть залпов.

На берегу нас встретили два вождя, которые очень любезно приветствовали Капитана и встали так, что он оказался между ними. Затем мы направились к месту, которое было подготовлено для богослужения недалеко от берега. До начала мессы Капитан окропил обоих вождей настоем мускусовой розы. Во время мессы они вместе с нами подошли к распятию и поцеловали его, однако никаких подношений не сделали. В момент пресуществления тела Господня они, молитвенно сложив руки, так же как и мы, опустили на колени и обратили взоры к небу. Тем временем корабли наши палили из всех орудий.

Под конец каждый из нас, как истинный христианин, принял причастие. Затем Капитан велел своим людям показать искусство владения оружием, что доставило обоим вождям большое удовольствие. Потом мы принесли крест, гвозди и венец, которым вожди поклонились. Капитан объяснил им, что эти предметы являются знаком Императора, его хозяина и господина, который повелел ему устанавливать их повсюду, где бы он ни находился и ни проходил. Он сказал им, что хочет воздвигнуть здесь крест для их же блага, потому что если к этим островам придут другие испанцы, то, увидев его, поймут, что мы уже останавливались здесь, и не сделают им ничего дурного, не тронут ни людей, ни имущества. Если же они и возьмут кого-нибудь в плен, то, как только увидят этот знак, сразу же их отпустят.

Потом Капитан сказал им, что крест надо поставить на вершине самой высокой горы, чтобы, видя его каждый день отовсюду, они могли поклоняться ему, и что если они будут это делать, ни гром, ни молния, ни буря не смогут причинить им вреда.

Вожди поблагодарили Капитана и сказали, что с радостью все исполнят. Затем он велел переводчику узнать у них, мусульмане они или язычники и во что верят. Вожди сказали, что весь их религиозный обряд состоит в том, что они соединяют руки вместе и обращают взор к небу, а бога своего называют Аба. Услышав эти слова, Капитан преисполнился радости... Итак, Капитан велел спросить его [первого вождя], есть ли у него враги, которые с ним воюют; если они есть, то он на своих кораблях отправится к ним и его люди разобьют их и заставят повиноваться. Вождь, поблагодарив его, ответил, что по соседству есть два острова, жители которых враждуют с ним. Однако сейчас неподходящее время, чтобы нападать на них. Тогда Капитан сказал, что, если бог приведет его опять в эти места, он привезет с собой так много людей, что они заставят жителей этих островов подчиниться вождю. Затем он велел переводчику сказать им, что после трапезы он вернется и воздвигнет на вершине горы крест. Оба вождя ответили, что очень довольны, и обняли Капитана. С этим они и расстались.

Месса под гром пушек

*Фердинанд Магеллан /
Антонио Пигафетта*

Португальский мореплаватель, подписавший договор о службе с испанской короной, Фернан Магальяйнш (Фердинанд Магеллан, ок. 1480—1521) искал западный путь к «Островам пряностей», в частности к Молуккским островам. И хотя его экспедиция преследовала торговые цели, она на деле доказала шарообразность Земли, что имело огромное значение. Хронику экспедиции Магеллана вел Антонио Пигафетта, один из немногих уцелевших участников первого кругосветного путешествия, которое продолжалось почти три года и стоило Магеллану жизни. В марте 1521 г. мореплаватель достиг Филиппинских островов.

Photo © Alan Cash, London

Роспись потолка в церкви на острове Себу (Филиппины), где в 1521 г. высадился Магеллан. По приказу мореплавателя устанавливается крест.

Спасенные индейцами

Жак Картье

Одним из важнейших открытий европейцев в Новом Свете явилось исследование в 1535 г. течения реки Св. Лаврентия, проведенное экспедицией бретонца Жака Картье (1491—1557). Индейцы, сопровождавшие Картье во время его исследований Канады и служившие ему проводниками и переводчиками, оказались неоценимыми помощниками. Они рассказали Картье о географии этой страны и о ее богатствах, познакомили его с обычаями индейцев и их языком. Во время его второго путешествия, на стоянке в Стадаконе (так индейцы называли Квебек), не вынеся долгой и суровой канадской зимы, многие участники экспедиции погибли от цинги. Один из переводчиков Картье научил его бороться с этой болезнью с помощью отвара, богатого витамином С.

Drawing C. W. Jefferys © Ryerson Press, Toronto

В один прекрасный день наш капитан, видя, что болезнь становится все страшнее и его спутники находятся в ужасном состоянии, вышел из форта. Идя по льду, он заметил приближавшихся к нему людей из Стадаконе и среди них Дома Агайу, которого капитан видел десять-двенадцать дней назад пораженного той же болезнью, что и его люди: его нога полностью потеряла чувствительность и так распухла в колене, что стала полнотой с тело двухлетнего ребенка, зубы качались, а десны были покрыты нарывами. Увидев Агайу здоровым и бодрым, капитан обрадовался, надеясь узнать у него, как он вылезился, и таким образом помочь своим людям. Когда они подошли ближе к форту, капитан спросил Дома Агайу об этом. Тот ответил, что он вылезился соком листьев одного дерева и что это единственное средство от этой болезни. Капитан спросил, нет ли таких деревьев поблизости и не может ли он их ему показать, потому что хочет вылечить своего слугу, который заболел этой болезнью в Канаде, когда жил в доме лорда Доннаконы. Он сказал так, не желая раскрывать, сколько из его спутников были больны. Дом Агайу послал двух женщин искать нужные деревья. Они принесли капитану девять или десять веток и сказали, что кору и листья надо истолочь в порошок, затем прокипятить в воде и выпить отвар в два приема за один день, а остуженную гущу прикладывать к распухшим ногам. Женщины заверили нас, что это прогонит болезнь. На своем языке они называли дерево аннедда*.

Не теряя времени, капитан приготовил отвар, но никто из больных, за исключением одного-двух человек, не решился испытать его действие. Как только смельчаки выпили его, они немедленно почувствовали облегчение, что было поистине похоже на чудо. После двух-трех приемов настоя все болезни, которые их мучили, исчезли, и они снова стали здоровы. Сила отвара была настолько велика, что один из спутников капитана, помимо новой болезни, уже пять или шесть лет страдавший сифилисом, полностью вылезился. Видя такие результаты, люди устремились за этим лекарством, и дело едва не дошло до смертоубийства. Таким образом, дерево выше и раскидистей всех тех, что я видел раньше, целиком пошло в ход и менее чем за неделю дало такой эффект, какого все врачи Лёвена и Монпелье, пользуясь всеми лекарствами Александрии, не добились бы и за год. Все, кто пил отвар из листьев этого дерева, излечились и вернули с божьей помощью себе здоровье.

Встреча Жака Картье с индейцами на берегу реки Св. Лаврентия во время его второй экспедиции в Канаду в 1535 г.

*Какое дерево использовалось для лечения, точно выяснить не удалось, но бытует мнение, что это была канадская туга, которую также называют белой или канадской елью.

Voyages au Canada. Avec les relations des voyages en Amérique de Gonneville, Verrazano et Roberval. © Editions La Découverte, Paris, 1984.

Праздник на островах Дружбы

Джеймс Кук

Великий английский мореплаватель и исследователь капитан Джеймс Кук (1728—1779) оставил нам свои записки о плаваниях по Тихому океану — классический образец путевых заметок. Вклад Кука в развитие современной географии огромен: он развеял миф о том, что Антарктида простирается от Южного полюса до умеренных широт, и завещал потомкам замечательное собрание точных карт. Его описание жизни и обычаев людей, которых он встречал во время своих путешествий, сделано с такой тщательностью и объективностью, что он считается одним из первых этнографов. Во время своего третьего плавания, в 1777 г., Кук посетил острова Дружбы (Тонга), где он впервые высадился тремя годами ранее.

Феену* изъявил желание ознакомиться с боевой подготовкой наших моряков. Я был рад удовлетворить его любопытство и отдал приказ экипажам обоих судов утром сойти на берег. Солдаты продемонстрировали различные военные приемы и дали несколько залпов к необычайному удовольствию многочисленных зрителей, после чего вождь в свою очередь решил развлечь нас зрелищем, которое, по нашему общему мнению, показало такую ловкость и умение его людей, что затмило военные упражнения моих моряков. Это было нечто вроде танца и так отличалось от всего, доселе виденного мной, что, боюсь, я вряд ли смогу дать моим читателям сколь-либо правдивое представление об этом спектакле. В его исполнении участвовали мужчины, общим числом сто пять человек. Каждый держал в руке предмет, похожий на тщательно выделанное весло, длиной примерно два с половиной фута, с небольшой ручкой и тонкой лопастью и потому очень легкое. Этим предметом они делали множество различных движений и при этом двигались сами. Сначала они построились в три шеренги, а затем, путем различных передвижений, поменялись местами так, что тот, кто был в последнем ряду, оказался в первом. Однако и это построение быстро сменилось другим. Они мгновенно вытянулись в одну шеренгу, затем образовали полукруг и, наконец, две колонны. В ходе последнего построения один из них выступил вперед и исполнил передо мной необычный танец, чем все и закончилось.

Музыкальными инструментами были два барабана, или, вернее, два полых куска дерева, по которым ударяли двумя палками. Мне показалось, однако, что танцоры следовали не столько этому ритму, сколько хору, в котором слышались голоса всех исполнителей танца. Мелодия песни не была лишена приятности, а движения выполнялись с такой ловкостью, что все многочислен-

ные участники танца действовали как одна огромная машина. Мы единодушно согласились, что такое представление встретило бы всеобщие аплодисменты на сцене европейского театра; оно настолько превосходило все наши попытки развлечь их, что они, казалось, возгордились своим превосходством над нами. Что же до наших музыкальных инструментов, то они не вызвали у них ни малейшего интереса, разве что барабан, да и тот, по их мнению, не мог сравниться с их собственным.

Чтобы оставить у них более благоприятное впечатление о развлечениях англичан и заставить их глубоко осознать наше превосходство, я приказал устроить фейерверк и, как только стемнело, показал его Фееноу, другим вождям и огромному числу зрителей. Взлетавшие в небо и падавшие в воду ракеты безмерно удивили и поразили всех присутствующих; теперь чаша весов склонилась в нашу пользу.

*Вождь Фееноу считался правителем всего архипелага.

Captain Cook's Voyages of Discovery, Everyman's Library, J. M. Dent & Sons Ltd., London, 1948.

Капитан Кук смотрит ночной танец туземцев во время своей третьей экспедиции (1776—1780) на одном из островов Дружбы (архипелаг Тонга).

Photo © Bulloz, Paris

Примеры ласкового обхождения и малые подарки усмирили [коняг]. Тут и через толмачей всячески внушал им о спокойствии, великости, силе и красоте всего находящегося во внутренности России... Таким образом приобрел от них столь великое благорасположение, что они наконец все назвали себя охотно в мои повеления.

...Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезда моего столько выучились пороссийски говорить, что без нужды можно было их разуметь. Я оставил таковых учащихся грамоте 25 мальчиков...

Мужчины, женщины и девки средний хрящ в носу прокалывают, также искалывают все уши и нижнюю губу; шитые шеи имеют и мужчины, но немногие, а у каждого мужчины нижняя губа прорезана, и чрез то с первого взгляда показываются так, как с двумя ртами. В сделанную в среднем хрящю носа дыру вкладывают длинную кость, а у кого есть бисер и корольки, те привешивают оные к ушам, к губе и к носу, почитая то за самую лучшую вещь и украшение. Бороды не стригут, рубах все не имеют, ходят босые, а дома и совсем нагие, только что спереди опоясываются каким ни есть звериным лоскутом или цветами и травою. Парки носят бобровые, лисьи, медвежьи, птичьи, евражечьи, тарбаганьи, рысьи. Камлей, род парок, — из кишок сивучьих, нерпичьих и китовых. На головах носят шляпы, плетенные из елового корня и травы, шапки, сделанные гнутые и выдолбленные из дерева. При ловле морских зверей употребляют стрелы, кои бросают из досок, а для войны есть у них луки и копыя железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи железные и костяные, иглы железные... До прибытия же нашего иглы делали сами женщины, нитки жильные, посуда деревянная, роговая — диких баранов, глиняная, камнем выдолбленная.

Байдары и байдарки, обшитые сверх решетки вместо досок кожей наглухо, кроме люку, употребляют они тогда, когда удят рыбу и промышляют морского зверя... По рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками, похожими на копыя, в кои в тупом конце бывает гнездо, во оное вкладывается слабо в зазубрины костяных каменная или железная спица, привязанная жилкою к деревцу. В заливах и бухтах морских красную рыбу стрелками убивают тогда, когда она из воды мечется. Огонь добывают трением из дерева; освещаются зажженным в каменных посудах жиром тюленьим, медвежьим, сивучьим, китовым, полагают туда травяные фитили...

Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою, и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные орудия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приблизятся к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег, потом спешат поскорее выносить гостей из байдар и относят их поодиночке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах; там, посада всех по местам, все молчат до тех пор, пока напьются и наедятся. Первая и лучшая почесть состоит в том, что подают холодную воду, а потом мальчики разносят кушанье, жир, толкуши, состоящие из смешения жиров тюленьего, китового и сивучьего, иначе морских львов называющегося.

Фронтиспис прижизненного издания книги Григория Шелихова, вышедшей в свет в 1793 г. в Петербурге.

Русский на Аляске

Григорий Шелихов

У Гавриила Державина были все основания назвать Григория Шелихова «Колумбом русским» — он приблизил мечту Петра I и Ломоносова достичь Америки с востока, через Сибирь. В результате экспедиции к Америке (1783—1786) Шелихов впервые дал развернутые, подробные карты по всему маршруту: описал ландшафт, климат, течения, атмосферу, флору, фауну Курильских, Алеутских, Андреяновских, Лисьевских (Лисьих) островов; первым дал он и этнографическое описание образа жизни жителей острова Кадьяк — эскимосов. А созданная им Северовостоchno-Американская компания вскоре легла в основу знаменитой Российско-Американской компании. Имя отважного мореплавателя и открывателя новых земель носят залив Охотского моря, бухта, пролив, отделяющий остров Кадьяк от полуострова Аляска, есть в Сибири и город его имени.

Фото © АПН, Москва

Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам (1791).

Также ягоды, как-то: бруснику, клюкву, чернику, княженику, присовокупляя к тому и разные коренья; ягоды без смешения. Сушеную рыбу, называемую покла; звериные и птичьи мяса, у кого что случится лучшее. Соль им не известна. Каждое кушанье прежде всех должен хозяин начать сам есть и пить, а без того гости ничего не вкушают; посему надобно думать, что они иногда мешают и отстраняют для себя, посылают прочее по порядку другому; и так до самого последнего доходит. Остатки от кушанья все обращаются к первому, а сей кладет одно место; при отбывании же все гости увозят с собой.

Речная почта

Александр Гумбольдт

В 1799 г. тридцатилетний Александр Гумбольдт вместе со своим другом Эме Бонпланом отправился в Южную Америку. К этому времени он, помимо других наук, прекрасно разбирался в ботанике, химии, минералогии и был знаком с теориями итальянского физиолога Луиджи Гальвани. Естественный исследователь, географ и геолог, историк и политик, этот барон из Пруссии (1769—1859), объективно и достоверно описавший индейцев, по праву занимает место в рядах основоположников этнографии и археологии Америки. В 1802 г. он побывал в Перу, где нанес на карту вулканы в районе Кито (теперешняя столица Эквадора). Он поднимался на потухший вулкан Чимборасо (6272 м) и изучал развалины империи инков. На короткое время он останавливался в районе Амазонки, где и мог видеть плывущего по ней почтальона. Позднее Гумбольдт достиг побережья Тихого океана и открыл знаменитое холодное течение, которое впоследствии было названо его именем.

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris

Александр Гумбольдт вместе со своим другом и компаньоном французским ботаником Эме Бонпланом (1773—1858) наблюдает в 1799 г. звездопад на побережье Южной Америки.

Туземцы для пересылки корреспонденции на берега Южного моря пользуются довольно странно низовьем Рио де Гуанкабамба, там, где она имеет несколько водопадов. Для скорейшего доставления небольшого числа писем из Трухильо в провинцию Жаен де Бракаморос отправляют вплавь почтальона, известного в этой стране под именем el correo que nada. Почтальон этот (обыкновенно из молодых Индейцев) в два дня достигает Томепенды от Памахуако по Рио де Хамая (так называют низовье Рио де Гуанкабамба) и потом по Амазонской реке. Небольшое количество вверенных ему писем он аккуратно завертывает в длинную бумажную ткань и обвивает ею себе голову наподобие чалмы. У водопадов он покидает реку и обходит эти места по прибрежному лесочку. Для облегчения утомительного плавания он часто держится одной рукой за бревенцо легкого дерева (Ceiba, Palo de balsa) из семейства Бавольниковых. Иногда его провожает кто-нибудь из его друзей. А о пище ему нечего и заботиться, потому что в каждой из хижин, разбросанных среди прекрасных Huertas de Pucaga и Cavico и окруженных фруктовыми деревьями, он находит весьма радушный прием.

К счастью, в Рио де Хамая нет крокодилов; даже в верхнем течении Амазонской реки они водятся только ниже водопадов Майази. Ленивые по природе, животные эти всегда избирают спокойнейшие воды. Рио де Хамая, от броду (Pavó) Пукары до впадения ее в Амазонскую реку при селении Хорос, следовательно на протяжении 13 географических миль, имеет, по моему измерению, не менее 1668 футов падения. Губернатор провинции Жаен де Бракаморос уверял меня, что письма, отправляемые таким образом, водою, бывают редко намочены или затеряны. И в самом деле, я сам, вскоре после моего возвращения из Мехико в Париж, получил несколько писем из Томепенды, посланных по описанному тракту. Подобные путешествия по течению Амазонской реки предпринимают обществами многие из диких Индейских племен, населяющих ее верхние берега, и я однажды наблюдал, как 30 или 40 человек (мужчин, женщин и детей) из племени Ксибарос подплывали по руслу к Томепенде. Correo que nada возвращается назад по сухому утомительному пути через Páramo del Paredón.

Картины природы с научными объяснениями Александра Гумбольдта, ч. 1—2. М., 1855.

Купцы и путешественники

Без путешествий не может быть торговли, и наоборот. Еще в доисторические времена началось движение людей и товаров по торговым путям, превратившимся позднее в главные каналы распространения культуры и обычаев разных народов (см. «Курьер ЮНЕСКО», июль 1984 г.). Отважных купцов, отправлявшихся в дальние страны, часто подстерегали неведомые опасности.

...И есть тут Индийская страна, и люди ходят все голые: голова не покрыта, груди голы, волосы в одну косу плетены. Все ходят брюхаты, детей родят каждый год, и детей у них много. Муж и жены все черны. Куда бы я ни пошел, так за мной людей много — дивятся белому человеку. А князь их — фата на голове, а другая — на бедрах; княгини ходят — фатой плечи обернуты, а другой — бедра. Слуги же княжие и боярские — фата на бедрах обогнута, щит да меч в руках, а другие с копьями, или с ножами, или с саблями, или с луками и стрелами...

В султанов дворец ведут семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей, да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдет, другие — кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды.

Город Бидар стережет по ночам тысяча человек, поставленных градоначальником, и ездят все на конях, в доспехах и с факелами... в Бидаре же по улицам ползают змеи, длиною в две сажени...

...Есть у них одно место, где однажды в году устраивается базар, куда съезжается вся Индийская страна торговать, и торгуют там 10 дней. От Бидара 12 ковов. А приводят коней, до 20 тысяч продают, и всякий другой товар свозят. В Индостанской земле это лучший торг; всякий товар продают здесь и покупают на память шейха Алаеддина, на русский праздник Покрова святой Богородицы. Есть на том Алянде птица гукук, она летает ночью и кричит «гукук»; на которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны ходят ночью и хватают кур; живут они в горе или в камнях. Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая, и язык у них есть свой; детей они родят много, но которые родятся не в отца и не в мать — тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат вести игру.

...Тут познакомился со многими индусами и объявил им, что я христианин, а не бесерменин, и имя мое Афанасий, по-бесерменски же ходжа Исуф Хорасани. Они не стали от меня таиться ни в чем, ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах; жен своих также не скрывали.

Я расспросил все о их вере, и они говорили: веруем в Адама, а Буты, говорят, — это есть Адам и весь его род. Всех же вер в Индии 84, и все веруют в Бута. Вера с верою не пьет, не ест, не женится; некоторые едят баранину, кур, рыбу и яйца, но воловины не ест никакая вера.

В Бидаре пробыл я 4 месяца и сговорился с индийцами пойти к Парвату — их Иерусалим... Там же ходил с индийцами месяц до бутханы. Торгу у бутханы 5 дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней бутовы деяния, всего вырезано 12 венцов, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое — в образе человека; второе — в образе человека, но в хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень.

...А молитва у них на восток, по-русски, поднимают высоко обе руки и кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней — то их поклоны. А когда садятся есть, то некоторые обмывают руки и ноги, да и рот прополаскивают... А кто у них умрет, и тех жгут, а пепел сыплют на воду. А когда у жены родится дитя, то принимает муж; имя сыну дает отец, а дочери — мать.

«Хождение за три моря»

Афанасий Никитин

В 1475 г. приехавшие из Литвы русские торговые люди передали дьяку великого князя Московского «тетради» — собственноручные записки «Афанасия тферитина купца, что был в Индии четыре годы». Самого автора к тому времени уже не было в живых: он «не дошел умер» где-то около Смоленска... В описании путешествия Афанасия Никитина, охватывающем 1466—1472 гг., проявились замечательные черты его авторской личности: точность в изложении фактов, отсутствие предвзятости и высокомерия, уважительное отношение к тому, что проходит перед его глазами. Прямой взгляд путешественника и умение красноречиво рассказать о виденном позволили ему нарисовать яркую картину жизни далекой страны.

Кадр из совместного советско-индийского фильма «Хождение за три моря» (1958). Режиссеры Василий Пронин и Ахмад Аббас. В главной роли — популярный советский актер Олег Стриженов.

«Похороны сардинки» (ок. 1810) испанского живописца Франсиско Гойи (1746—1828). Эта карнавальная сцена — одна из самых ярких картин художника, воплощающих народный дух Испании.

Photo Manso © Royal Fine Arts Academy, Madrid

Англичанин в Мадриде

Джордж Борроу

С копной седых волос, стройный и сильный, ростом в шесть футов и два дюйма англичанин Джордж Борроу (1803—1881) обладал необычной наружностью. Великолепный наездник и метатель ножей, друг цыган, бегло говоривший на их языке, он больше походил на героя авантюрного романа, чем на коммивояжера, каким он был, когда Британское библейское общество послало его сначала в Россию, а затем на Иберийский полуостров. «Библия в Испании» (1842) — его отчет об этой миссии — имеет подзаголовок «Путешествия, приключения и невзгоды одного англичанина во время распространения им Священного писания на Иберийском полуострове». Рассказ Борроу о забавных и вместе с тем трагических приключениях имел большой успех. И по сей день эта книга не утратила своей популярности. Случай, описанный в публикуемом отрывке, произошел в Мадриде.

А вот история о тореадорах. Вскоре после приезда отправился я как-то бродить по улочкам округи, известной своими кражами и убийствами, в надежде увидеть что-нибудь интересное. Часа через два, изрядно устав, зашел я в сомнительного вида таверну, где было полно людей, похожих на разбойников. На мое приветствие они церемонно приподняли свои сомбреро, пропуская меня к стойке бара. Выпив стаканчик val de reñas, я уже собрался заплатить и уйти, как вдруг один из них, в короткой куртке из буйволово́й кожи, кожаных брюках и высоких, до середины бедра, сапогах, в белой шляпе с огромными, ярда в полтора, полями стал пробираться сквозь толпу и, очутившись лицом к лицу со мной, заревел:

— Otra copita! Vamos Inglesito: Otra copita! [Еще стаканчик! Эй, англичанин, еще стаканчик!]

— Благодарю Вас, сэр, Вы очень добры, но Вы, кажется, принимаете меня за своего знакомого, а я не имею чести Вас знать.

— Ты меня не знаешь? — удивился он. — Я — Севилья, тореро. Я тебя хорошо знаю, ты — друг Балтасарито, испанца, моего друга и превосходного человека.

Потом, обращаясь к присутствующим, он громко сказал, нажимая на окончания каждого слова, как принято у разбойников по всей Испании:

— Кабальеро, этот человек — друг моего друга. Es mucho hombre. [Он настоящий мужчина]. Равного ему нет в Испании. Он хоть и англичанин, но умеет говорить по-цыгански, на этом темном языке.

— Ты не верим тебе, — откликнулось несколько голосов. — Этого не может быть.

— Вы говорите, этого не может быть? А я говорю, что так оно и есть. Иди сюда, Бальсейро, ведь ты всю жизнь просидел в тюрьме и вечно хвастаешь, что умеешь говорить по-цыгански, а по мне, так ты ничего в нем не смыслишь. Подойди и поговори с его милостью.

Из толпы вышел невысокий, худой, но очень энергичный человек. Он был в одной рубашке и охотничьей шапке. В правильных чертах его лица было что-то демоническое.

Он произнес несколько слов на том цыганском жаргоне, на котором говорят в тюрьмах, спрашивая меня, сидел ли я когда-нибудь в камере и знаю ли, что такое «цыганка»*.

— Vamos Inglesito, — закричал Севилья громовым голосом, — ответь толпо [парню] по-цыгански.

Я ответил разбойнику (а это и был разбойник, имя которого долго еще будут хранить легенды о разбойниках Мадрида) длинной фразой на диалекте цыган Эстремадуры.

— Да, это уж точно самый непонятный цыганский, — пробормотал Бальсейро. — Либо цыганский, либо английский, потому что я не понял ни слова.

— Говорил я тебе, — вскричал тореро, — что ты и понятия не имеешь о цыганском языке? А этот англичанин знает его. Я понял все, что он сказал. Ему нет равных в этом языке. К тому же он хороший ginete [наездник]; в этом с ним никто не сравнится, разве что я; только он пользуется слишком короткими стремянными ремнями. Inglesito, если тебе нужны деньги, мой кошелек к твоим услугам. Все, чем я владею, — твое, а это немало: я только что выиграл четыре тысячи chulés. Смелее, англичанин! Еще стаканчик! Севилья угощает!

И он бил себя в грудь, повторяя: «Я, Севилья! Я...»

* Двенадцать унций хлеба — тюремная порция. (Прим. Дж. Борроу).

Искусство общения

Отрывки, помещенные в этом разделе, отобраны таким образом, чтобы показать положительные стороны контактов между представителями разных цивилизаций. Ниже приводятся три удивительных эпизода из истории формирования отношений между народами, в которых звучит ностальгия по исчезающему культурному многообразию рода человеческого.

На корабле мне говорили, что везут меня домой, на мою родину, и это наполняло меня счастьем. Я радовался и думал о том, что уж если мне суждено вернуться домой, о каких только чудесах мне не придется рассказывать. Но судьба распорядилась иначе. Лишь только вдали показался английский берег, я понял, что меня обманули. На борту корабля капитан, который был моим хозяином, дал мне новое имя — Густав Ваза. К тому времени я уже научился немного объясняться с ним и, как умел, сказал ему, что это имя мне не нравится и уж лучше пусть меня называют Джекоб; но он ответил, что этого не будет, и продолжал звать меня Густавом. Когда же я перестал откликаться на новое имя, меня избили. Постепенно я смирился и до сих пор ношу это имя, под которым меня с того времени и знают.

Корабль находился в море очень долго, и у нас было плохо с провизией. Под конец плавания нам выдавали всего полтора фунта хлеба и примерно столько же мяса на неделю и по одной кварте воды в день. За все время мы встретили только один корабль и лишь один раз поймали немного рыбы. Оказавшись в таком тяжелом положении, капитан и члены команды в шутку говорили, что убьют меня и съедят, но я принял их слова всерьез и был подавлен свыше всякой меры, каждую минуту ожидая своего конца. Однажды вечером, когда я пребывал в таком состоянии, они с огромным трудом поймали большую акулу и втащили ее на палубу. Мое бедное сердце возрадовалось, так как я подумал, что теперь они вместо меня съедят акулу. Но очень скоро мои страхи вернулись: к моему удивлению, они отрезали лишь небольшую часть хвоста, а остальное выбросили за борт. Я не знал, что и думать об этих белых людях, очень боялся, что они все-таки убьют меня и съедят.

На борту нашего корабля находился юноша, который никогда прежде не бывал в плавании. Он был старше меня четырьмя или пятью годами. Звали его Ричард Бейкер. Он родился в Америке, получил превосходное образование и обладал приятным характером. Из всей команды он один относился ко мне с большим участием и вниманием. Я тоже привязался к нему. С течением времени мы стали неразлучны, и за два года он сделал мне много добра и был моим постоянным спутником и учителем. И хотя у этого дорогого моему сердцу юноши было много собственных рабов, он делился со мной своими горестями, и мы провели много ночей, утешая друг друга в трудные минуты. Так между нами крепла дружба, оборвавшаяся лишь с его смертью, которая, к моей великой печали, настигла его в 1759 году в северной части архипелага на борту корабля королевского флота «Престон». Эту утрату я никогда не перестану оплакивать; я лишился доброго переводчика, приятного компаньона и верного друга, который в возрасте пятнадцати лет обнаружил ум, свободный от предрассудков, и не стыдился быть другом и учителем того, кто был невежественным иностранцем, с другим цветом кожи и к тому же рабом! ■

Портрет Олаудаха Эквиано на фронтиспise первого издания его автобиографии, вышедшей в свет на английском языке в 1789 г. под заголовком «Любопытная история жизни Олаудаха Эквиано, или Густава Вазы Африканского, написанная им самим».

Как я стал Густавом Вазой

Олаудах Эквиано

Олаудах Эквиано, родившийся в 1745 г. в деревне на территории современной Нигерии, был в возрасте десяти лет схвачен и продан в рабство плантатору в Вест-Индии. Он работал на плантациях и плавал на невольничьих кораблях, бороздивших Атлантику. К девятнадцати годам он накопил достаточно денег, чтобы купить себе волю. Уже свободным человеком он служил старшиной-рулевым на торговых кораблях. Выполнил он и другую работу. Эквиано плавал по Средиземноморью, а в 1773 г. принимал участие в экспедиции Фипса в Арктику. Он всегда боролся против рабства. В конце жизни он был назначен интендантом на корабль, перевозивший освобожденных рабов в Сьерра-Леоне. Автобиография Эквиано, опубликованная еще при его жизни в 1789 г., имела большой успех у читателей и с 1789 по 1827 г. выдержала двенадцать изданий в Великобритании и США.

Photo © Heinemann Educational Books Ltd., London and Ibadan

Длинный нос, белая кожа и «медоточные уста»

Мунго-Парк

В 1795 г. молодой шотландский хирург Мунго-Парк принял предложение Африканского общества в Лондоне исследовать течение реки Нигер. Проникнув в глубь Африканского континента, он обнаружил там большое число самостоятельных государств, ведущих оживленную торговлю. В отчете о своих путешествиях, который является выдающимся этнографическим документом, он дает уникальное описание работ торговли на Западном побережье Африки и воссоздает исчезнувший мир аборигенов верхнего течения реки Гамбия. Без прикрас и ложной экзотики этот замечательный путешественник и человек рассказывает о своих встречах с разными людьми.

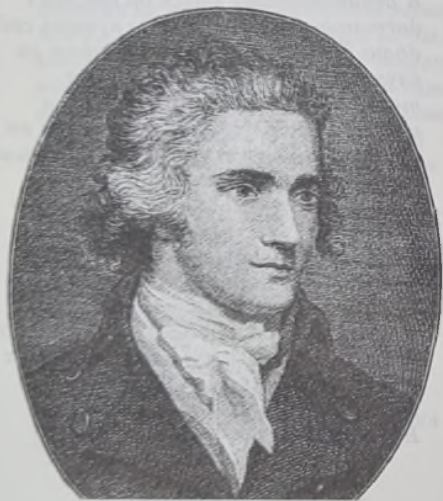

Photo © H. Roger Viollet, Paris

Как скоро приблизились к дверям Королевской комнаты, то проводник мой и переводчик, по обыкновению, сняли свои туфли и первый произнес имя короля столь громко, что ему ответствовано было изнутри.

Мы нашли Монарха сидящего на циновке с двумя особами. Я повторил ему сказанное мной накануне о намерении моего путешествия и о побудительных причинах, привлекших меня в его государство. Мои резоны казались ему неудовлетворительными. Мысль о путешествии, предпринятом из единого любопытства, никогда не приходила ему в голову. Он не понимал, как может здравомыслящий человек подвергать себя столь многим опасностям, единственно для осмотра страны и обитающего в ней народа? Наконец, единствен был моими представлениями, как скоро я поднес ему мой чемодан и все мои вещи. До сего времени он ничего иного не предполагал в Белых, кроме видов торговли. Подарки мои причинили ему великое удовольствие, особенно зонтик, который он непрестанно распускал и свертывал, к великому удивлению двух придворных, кои, так же как и Государь их, долго не могли узнать употребления сей удивительной машины.

Я решил уже совсем откланяться Его Величеству, но он удержал меня. Превознесши похвалами, в длинном предисловии, несметное богатство и мудрость Белых, начал он после говорить похвальное слово и моему платью, коего желтые пуговицы чрезвычайно его ослепили. Напоследок заключил речь свою тем, что ежели я подарю ему кафтан свой, то он будет его носить во всех торжественных случаях и не преминет пред всеми прославлять дар сей как полученный от щедролюбия Белого. Просьба Африканского Государя есть непреложное повеление, особливо для иностранца. Я изъявил знак учтивости уступкой того, что мог бы он отнять у меня силою. Впрочем моя польза требовала ему понравиться. Посему со спокойным духом скинул я с себя синий кафтан и положил оный к ногам Его Величества.

Король, в засвидетельствование своего удовольствия, снабдил меня немалым количеством запаса и сказал притом, что ему угодно видеть меня еще на другой день. Я исполнил волю Его Величества и поутру застал его сидящего на постели; сделавшись болен, объявил он мне свое желание, чтобы я пустил ему немного крови. Едва только перевязал я ему руку и показал ланцет, как он оробевши просил отложить операцию до полудня. Может быть, робость произвела хорошее действие и ему стало легче. Напоследок, поблагодарив за мое усердие, убеждал меня усиленно просьбою посетить жен его, желавших с крайним нетерпением увидеть белого человека... Их было десять или двенадцать; многие из них казались молоды и прекрасны; золотые листы и бисер составляли головной их убор.

Все сии женщины показали отменную веселость и забавный нрав. В цвете моего лица и в продолговатости моего носа находили они особенный повод к своим шуткам. Одно и другое, говорили они, подделано искусством. Дабы сделаться мне Белым — для сего, по мнению их, купали меня в молоке во время моего младенчества; а длинный мой нос не иначе-де получил сей урод-

Продолжение на с. 23

Портрет английского исследователя Мунго-Парка (1771—1805). Записки о его путешествиях вышли в свет на английском языке в 1798 г. под заголовком «Travels in the Interior Districts of Africa Performed Under the Direction and Patronage of the African Association in Years the 1795, 1796, and 1797 by Mungo Park, Surgeon».

Цветная вкладка

с. 19

«Собор в Мехико», иллюстрация из «Истории Нового Света» Али Челеби (Иран, вторая половина XVII в.), в которой нашло отражение смешение восточных и западных мотивов. Слева от дерева (возможно, гуавы) изображена церковь с крышей, похожей по форме на ступенчатую ацтекскую пирамиду. Внутри, погружившись в размышления, сидит увеленный сединами патриарх, подпоясанный лентой, как требует индийский обычай. Снаружи двое людей, одетых в костюмы времен Могольской империи, несут коленапреклоненного молящегося, напоминающего деревянные статуи католических святых во время религиозных шествий. Вверху — группа людей, по-видимому конкистадоров, одетых частично по-европейски.

Photo © Chester Beatty, Dublin

На развороте

По часовой стрелке, начиная с левого нижнего угла: 1) два офицера — участника экспедиции французского мореплавателя Жана Франсуа Лалеруза (1741—1788) обмеряют гигантские каменные статуи на острове Пасхи (Чили) 9 апреля 1786 г. Цветная гравюра (ок. 1820) по рисунку Дюше де Ванси; 2) улица в Гуанчжоу (Южный Китай), акварель (1863), немецкий художник Эдвард Хильдебрандт (1818—1869); 3) карта из магрибинской рукописи XIII в. «Увеселительная прогулка жаждущего объехать свет» арабского путешественника Идриси (1100 — ок. 1165). Автор этого обширного труда делит известный в то время мир на 7 климатических зон. На фрагменте представлена шестая часть 4-й зоны. По законам принятой тогда арабской картографии юг располагается вверху. В правом нижнем углу — река Тигр с притоками, в левом

нижнем углу — часть Каспийского моря; 4) настенная роспись, выполненная в 1986 г. в Жакмеле (Гаити) в ознаменование прибытия в Америку Колумба; 5) караван верблюдов в малийской пустыне.

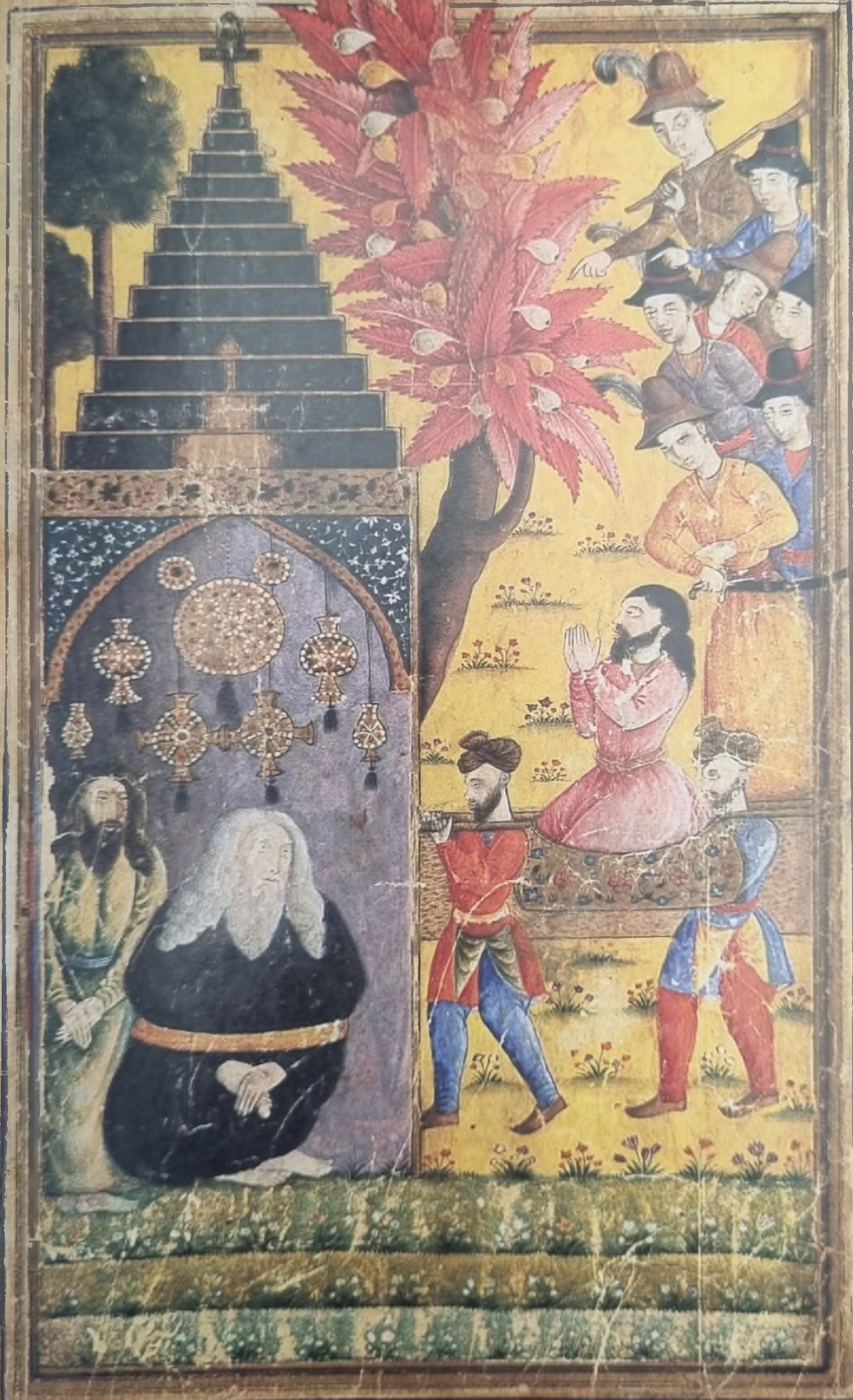
1) Photo © Rojas Mix, Paris 2) Photo © Jean-Loup Charmel, Paris. Bibliothèque des Arts décoratifs, Paris 3) Photo © Bibliothèque nationale, Paris 4) Photo © George Buxin, Paris 5) Photo M. Huel © Hoa-Qui, Paris

с. 22

Вверху: окруженная кольцами планеты Сатурн, сфотографированная 3 ноября 1980 г. американским космическим аппаратом «Вояджер-1» с расстояния 13 млн. км. Видны два спутника планеты: Тефия (внизу) и Диона. **Внизу:** «Экзотический пейзаж» (1908), французский живописец Анри Руссо (по прозвищу Таможенник, 1844—1910).

Photo © Collection PPP/INASA

Photo © Artepht/Lavand

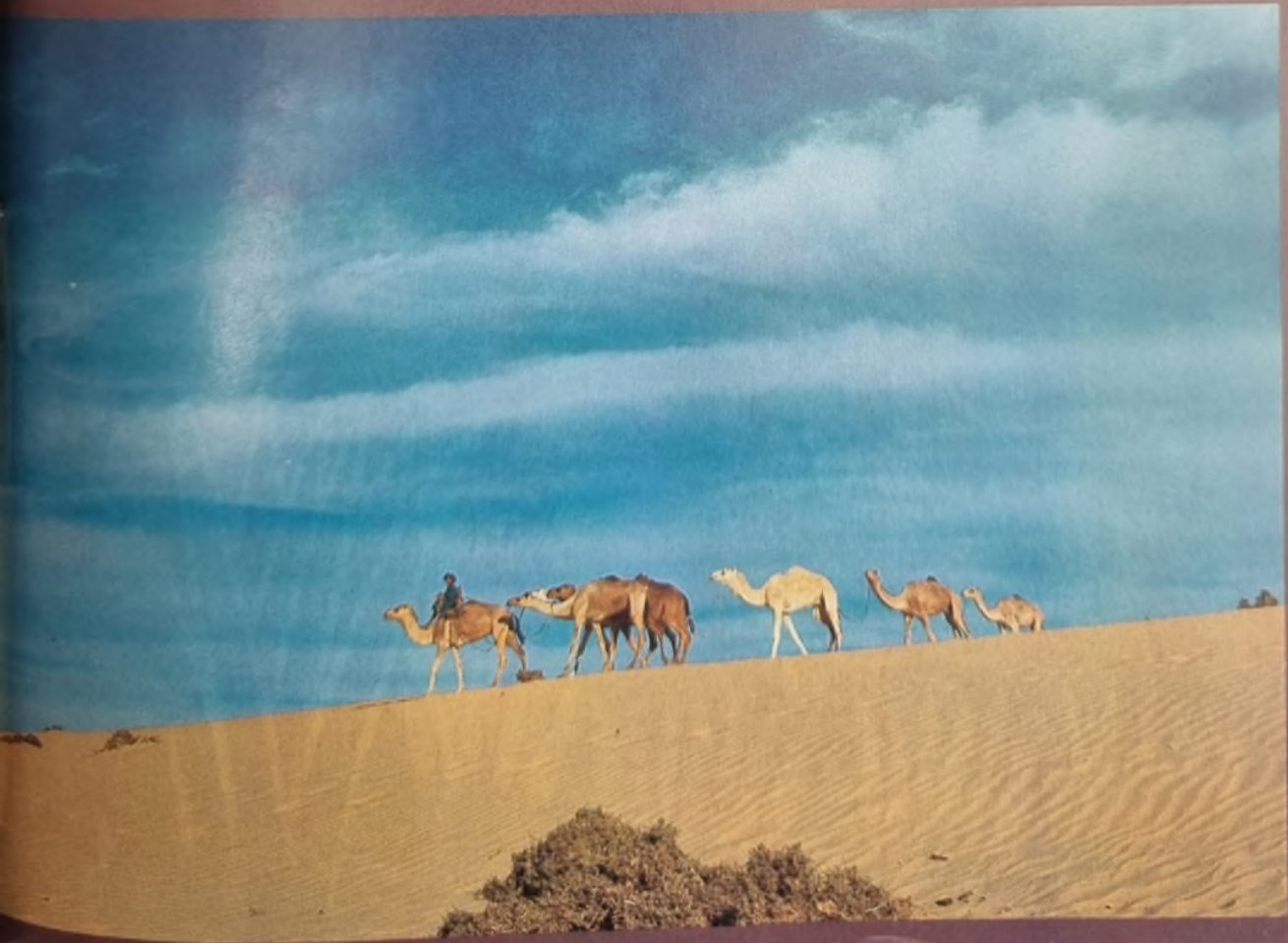

البحر
المعروف
البحر

المعروف

Пилигримы и миссионеры

Пилигрим — фигура универсальная. В IV—XI вв. китайские монахи-буддисты часто отправлялись по суше и по морю в Индию. Некоторые из них оставили волнующие рассказы о своих «путешествиях на Запад». Миссионер — явление, более характерное для Запада. Начиная с XVI в. множество проповедников покидало Европу, чтобы нести христианство в страны Дальнего Востока. Некоторые из них во имя своих идеалов совершали настоящие подвиги.

Как буддизм пришел в Карна Суварну

Сюань-Цзан

Самым известным китайским путешественником, побывавшим в Индии, был Сюань-Цзан (602—664), буддийский монах, обладавший глубочайшими познаниями в области религии. Обнаружив ошибки и разночтения в китайских толкованиях буддийских догматов, он решил отправиться в Индию, чтобы отыскать подлинные тексты и изучить их с помощью индийских монахов. Пробыв в Индии несколько лет, он вернулся в Китай, привезя с собой около 600 работ, реликвий и памятных вещей. Остаток жизни он посвятил переводам философских текстов и наставлению своих учеников. О своих путешествиях он рассказал в «Записках о западных владениях великой династии Тан».

Иллюстрация из китайской книги для детей «Сунь Укун принимает буддизм» (1984), созданной по мотивам китайского романа XVI в. «Путешествие на Запад», в котором рассказывается о путешествии монаха Сюань-Цзана в Индию. Сунь Укун, Царь Обезьян, защищает от тигра Сюань-Цзана, восседающего на коне.

Drawing by Zeng Zhao an and Liu Jikun © Foreign Language Publishing House, Beijing, China

Государство Карна Суварна простирается на 4400 или 4500 ли, а столица его занимает в окружности более 20 ли. Государство это процветает, население его велико, равнинные земли хорошо увлажнены и земледельческие работы ведутся регулярно, по сезонам года. В этой стране все в цвету, и деревья гнутся от удивительных плодов. Климат здесь умерен, а люди добросердечны. Они покровительствуют знаниям и исповедуют буддизм и другие религии. В стране более десятка буддийских монастырей, свыше двух тысяч монашеских общин, кои все приверженцы школы самматъя, и пятьдесят храмов, посвященных разным дэвам (богам). Последователи разных религий многочисленны. В трех буддийских монастырях, согласно учению Девадатты, монахи не употребляют в пищу молочного.

Вблизи столицы есть монастырь Лудувейжи (или, на языке династии Тан, монастырь Красного ила). Это величественное сооружение с просторными помещениями и дворами, высокими башенками — прибежище монахов и знаменитых ученых со всего государства. Они собираются здесь, чтобы обменяться мыслями и обсудить достоинства разных теорий и философских систем.

Прежде никто в этом государстве не исповедовал буддизм. Но однажды в столицу явился странник из Южной Индии, человек иной веры. В руке у него был дорожный посох, живот опоясывали медные пластины, а на голове он нес светильник.

— Зачем на животе и голове у тебя эти странные предметы? — спросили его.

— Знания переполняют меня, и чрево мое лопнет, если не стянуть его медными пластинами, кроме того, мне жаль этих глупых и невежественных людей, потому я и ношу на голове светильник, чтобы просвещать их, — ответил странник.

Он принялся бить в барабан, вызывая на спор любого. Десять дней прошло, но никто не осмелился обратиться к нему даже с вопросом. Среди умнейших людей государства искали ему соперников, но тщетными были поиски.

Тогда правитель страны сказал:

— Как же так? Неужели во всей нашей державе невозможно сыскать ни одного мудрого и достойного человека? Стыд и позор: пришелец спрашивает, но никто в целом государстве не в состоянии ему ответить! Поищите еще среди отшельников.

Тут один человек выступил вперед и сказал правителю:

— Живет в лесу некто, называющий себя Шраманой. Уже долгое время пребывает он там в одиночестве, посвящая все время поискам знания. Если бы не был он настоящим ученым и человеком высочайших духовных качеств, разве смог бы он жить так, как живет?

Услышав эти слова, правитель отправился в лес, чтобы пригласить неизвестного принять участие в ученом споре.

И Шрамана сказал ему:

— Я родом из Южной Индии и в твоей стране — всего лишь гость. Ученость моя невелика, может быть, я и не сумею оправдать твоих ожиданий. Но благодарю за приглашение и не буду упорствовать. Если мне выпадет победить в споре, я желал бы, чтобы ты основал буддийский монастырь и призвал монахов для распространения в твоей стране этой религии.

— Обещаю сделать то, что ты просишь, и мы вовек не забудем великой твоей доброты, — ответил правитель.

Шрамана принял приглашение и отправился на встречу с иноземным гордецом. Тот разразился речью из 30 тысяч слов о догматах своей веры, и слова его, исполненные глубочайшего смысла и огромных знаний, объяли все сущее под солнцем — от теорий величайших мыслителей до его собственных умозаключений.

Но лишь только он начал говорить, Шрамана понял суть его речей. Ответ его состоял всего из нескольких сотен слов, но толкование предложенной темы было безошибочным. А потом он рядом острых вопросов подверг суровому экзамену взгляды своего соперника. Хвастун понял, что потерпел поражение, растерянно умолк и, утратив свой горделивый вид, с позором удалился. Правитель высоко оценил дарования Шраманы и повелел основать монастырь Лудувейжи. Так началось в стране распространение буддизма.

У регента Тибета

Режис Эварист Гюк

В 1846 г. член миссионерского братства св. Лазаря Режис Эварист Гюк (1814—1860) первым из французов проник в Тибет. Решительный, выносливый, одержимый страстью к открытиям, Гюк преодолел многочисленные препятствия, которые встретились ему во время путешествия по Монголии, Тибету и Китаю. Описание его приключений, где Гюк предстаёт замечательным исследователем и этнографом, в наши дни стало классикой. Облеченный миссией нести христианство «татарам» (так называли жителей Монголии), Гюк понимал, что для этого ему прежде всего следует основательно изучить буддизм. Он достиг столицы Тибета, священного города Лхаса, после восьми месяцев странствий, в которых его сопровождали обращенный им в христианство молодой лама по имени Самдаджеба, верблюд, белый конь и собака по кличке Арсалан.

Мы только что отобедали, как ламы и Китайцы вернулись и сказали, что регент желает видеть нас. Мы спросили шутя, не желает ли и он купить седла, но они велели нам следовать за ними. Теперь было ясно, что начальство заботилось о нас; мы не знали только — в пользу или во вред. Надевши наше лучшее платье и шапки лисьего меха, мы сказали: «Идем!» «А этот молодой человек?» — спросили ламы, указывая на Самдаджебу. «Это наш слуга; он останется караулить дом». — «Нет, и он должен идти, регент хочет говорить со всеми». Самдаджеба надел свой тулуп, накинул на уши черную шапку, и мы вышли, завесив дверь цепью.

Не более как минут через шесть мы были у дворца первого Калона, исправлявшего должность регента. Мы прошли большой двор, на котором находилось множество лам и Китайцев, которые, увидя нас, начали перешептываться; мы остановились перед позолоченными дверьми. Наш проводник прошел коридором, и вскоре отворилась дверь. В комнате, очень просто убранной, на подушке, покрытой тигровой кожей, сидел человек с перекрещенными ногами; это был регент... Регент долго всматривался в нас, поворачивал голову вправо и влево, и на губах его показалась добродушная и вместе с тем ироническая улыбка. Мы также улыбнулись и сказали друг другу тихо: «Этот господин кажется добрым; дело обойдется хорошо».

«На каком языке говорите вы? — спросил регент приветливо. — Я не понял ваших слов».

Мы повторили те же слова по-французски, и регент спросил присутствующих, поняли ли они их? Все ответили, что нет, и мы принуждены были перевести их на тибетский язык, сказав, что в лице первого Калона выражается доброта.

«Вы думаете, что я добр? О нет, я очень зол, не правда ли?»

Он обратился к чиновникам, которые в ответ только улыбались. «Вы, впрочем, правы, я добр, это обязанность Калона: я добр к моему народу и к чужим». Он говорил нам много, но мы не все поняли и сказали это ему. Тогда один из Китайцев должен был перевести нам его слова. Суть была в том, что он позвал нас не с целью беспокоить нас, а чтобы лично спросить, откуда мы, потому что об этом ходили разные и очень странные слухи по городу.

«Мы из страны под западным небом». — «Из Калькутты?» — «Нет, наша страна называется Францией». — «Умеете вы писать?» — «Да, лучше, чем говорить». Принесли писчий прибор, и мы написали: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет?»

«А, так это письменные знаки вашей страны? Я никогда еще не видел таких; но что значат эти слова?» Мы написали ему перевод библейского изречения на монгольском, тибетском и китайском языках. «Мне сказали правду; очень ученые люди, умеете писать на всех языках, и ваши мысли так глубоки, как те, которые находятся в молитвенниках». — Он покачал головой и повторил вышеупомянутые слова Господни.

Photo © Jean-Loup Charmet, Archives des Missions Lazaristes, Paris

Режис Эварист Гюк в китайском национальном костюме.

Гюк Э. Р. и Габэ Ж. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-ламы, изд. 2-е, М., 1870.

Странствия души

Путешествия из мира реального в царство запредельного, странствия души в поисках божества описываются во многих мудрых книгах Востока и Запада, от древнеегипетской «Книги мертвых» до «Божественной комедии» Данте и «Книги указаний и наставлений» Авиценны (Ибн Сины). Тема «духовного путешествия» вновь появилась в мистических и поэтических произведениях современных авторов.

Мистический путь

Фарид-ад-Дин Аттар

Фарид-ад-дин Аттар (умер ок. 1220 г.) — один из знаменитейших персидских поэтов-суфиев и мистиков. На Западе его наиболее известной работой является «Беседа птиц», аллегорическая поэма, рассказывающая о том, как тридцать птиц искали Божественную птицу. Эта поэма стала неисчерпаемым источником вдохновения для поэтов-мистиков. Но лучшим произведением Аттара является, несомненно, «Книга скорбей», в которой описываются его духовные поиски. Мы приводим отрывок из начала поэмы, в котором Пилигриму открывается путь к богу. Каждый этап его путешествия находит отражение в повествовании, проникнутом глубоким мистическим смыслом.

Полный смятения, ошеломленный паломник увидел сотню миров, океан океанов бурлящих вод, устремленных к богу, вовлеченных в божественный водоворот. Сто тысяч раз просеял он всю землю и отринул знания, сомнения и неуверенность. Сто тысяч раз просеял он землю мира и столько же раз приносил на берег добытую им жемчужину. Наконец бог послал ему удачу. Когда он просеивал землю, ему явился мудрец, солнце освещало оба мира, собираясь в мирадах звезд на Пути, в мире и вне его, в центре и вне его, постоянное и вечно странствующее, невидимое и вечно сущее, солнце, затопляющее светом оба мира и пугающееся собственного сияния, красное пламя на Пути, большое сердце, подобное зеленому океану. Пусть сгинет тот, кто не отряхнет пыль со своих ног, будь он чистый или нечистый! Мой сын, дорога длинна и полна препятствий, путник нуждается в проводнике. Как может слепец найти дорогу без посоха? Ты говоришь, не существует Всемудрейшего? Моли, стремись изо всех сил. Если бы в мире не было Всемудрейшего, земля поднялась бы кверху и время остановилось.

И вот, когда паломник встретил Всемудрейшего, проводника на своем Пути, он низко склонился перед ним. Его сердце переполняла радость, и он прикрепил в знак покорности кольцо к своему уху. Сто тысяч раз расцвели цветы в саду его сердца. Молитва привела его в экстаз, неверие ушло. Путь открылся.

Всемудрейший сказал ему:

«Разбойники рыщут на Пути. Не спи, делай, что тебе говорят. Дорога длинна. Сын, пробудись! Заснуть — значит ждать смерти. Бодрствуй! У каждого свое бремя. Многие пережили такое испытание. На этой долгой дороге остерегайся растратить силы по пустыкам. Остановившись, будешь повержен. Пусть боль и жар твоего сердца зовут тебя. Да будет эхо Корана в твоей душе подобно песне соловья! Шагай прямо, бди, будь мужественным. Неси бремя, питайся колючками, будь осторожен!»

И паломник, подобно охваченному страстью любовнику, отбросил печаль и в восторге нагой погрузился в океан. Оставив жалобы и благодарность, он тронулся в бесконечный Путь. ■

Photo © Roland and Sabrina Michaud, Paris. Lahore Museum, Pakistan

Погруженный в созерцание суфий (персидская миниатюра XV в., Ширазская школа). Суфизм, объединяющий представителей различных мусульманских орденов и общин, сочетает в себе аскетизм и мистицизм. Среди его последователей был Джалаледдин Руми (1207—1274), основатель ордена мевлеви, известного в Европе как орден «пляшущих дервишей».

Путешествия в Европу

В XIX — начале XX в. Европу посетило большое число ученых, писателей, дипломатов и государственных деятелей из разных стран мира. В их глазах европейская жизнь и институты представляли порой в несколько неожиданном свете. Любопытны впечатления путешественников из таких стран, как Китай и особенно Япония, в ту пору практически закрытых для Запада. Они раскрывают перед читателем занимательные стороны европейской действительности того времени, а также своеобразный мир самих наблюдателей.

Дипломаты под надзором

Фукудзава Юкити

Официальная японская миссия, прибывшая в 1862 г. в Европу. Среди них Фукудзава Юкити, переводчик (стоит второй справа).

Нас было около сорока человек, все в японской национальной одежде с двумя саблями по бокам; мы, должно быть, представляли собой любопытное зрелище, разгуливая в таком виде по Лондону и Парижу. Перед отъездом из Японии нам говорили, что за границей мы встретимся с величайшими трудностями в приобретении продуктов питания. Поэтому на весь срок путешествия нам дали несколько сотен ящиков шлифованного риса, а чтобы ночью не бродить по коридорам гостиниц в темноте, нас снабдили специально изготовленными «металлическими фонарями» — окруженными сеткой светильниками на двух квадратных ножках — и целым набором маленьких фонариков, канделябров, подсвечников и свечей. Короче говоря, те, кто нас снаряжал, несомненно, руководствовались тем перечнем вещей, которые были необходимы даймию и его свите на постоянных дворах в Токайдо.

По прибытии в Париж, после обычных приветствий первое, о чем мы попросили принимавшее нас официальное лицо, было разместить слуг не слишком далеко от того места, где будет жить глава делегации, поскольку последний не чувствовал себя в безопасности и хотел, чтобы его эскорт был поблизости. Наш хозяин немедленно согласился, спросил, сколько нас всего, и, узнав, что нас человек тридцать, сказал, что в любой гостинице можно разместить десять или даже двадцать таких групп, как наша. Этот ответ нас ошеломил. Затем нас проводили в «Отель дю Лувр», внушительное пятиэтажное здание, где было не менее шестисот номеров с обслугой из пятисот человек. Оно могло свободно служить пристанищем для тысячи гостей, так что на японскую делегацию никто не обратил внимания, и единственное, чего нам оставалось опасаться, — это заблудиться в его коридорах. В номерах циркулировал теплый воздух, хотя ни жаровен, ни радиаторов нигде не было. Комнаты и коридоры освещали бесчисленные газовые лампы, и было так светло, что наступление ночи можно было и не заметить. В ресторане нам предложили такое множество деликатесов, привезенных из прибрежных и горных

В 1862 г. официальная японская миссия посетила несколько европейских столиц: Лондон, Гаагу, Берлин, Санкт-Петербург и Париж (дважды). В качестве переводчика ее сопровождал молодой человек по имени Фукудзава Юкити (1835—1901). В своей «Автобиографии» он описывает эту поездку, состоявшуюся во времена реставрации Мэйдзи, когда японское правительство стремилось вывести страну из изоляции. В 1866 г. Фукудзава Юкити опубликовал книгу «Условия на Западе», которая выдвинула его в число крупнейших писателей новой Японии. Позднее из-под его пера вышел целый ряд популярных книг, рассказывающих японским читателям о западной культуре. Фукудзава Юкити много и увлеченно работал в области просвещения, и в 1903 г. его школа «Кэйо Гидзюку» получила статус университета.

Le Japon et la France, Images d'une découverte, Fukuzawa Yukichi © Publications orientalistes de France, Paris. 1974

районов, что самые жестокие противники варварского Запада забыли о своих предрассудках, наслаждаясь изысканными кушаниями. Таким образом, багаж, который мы таскали за собой с тех пор, как покинули Японию, превратился в обузу. Было ясно, что о хождении по коридорам гостиницы с нашими фонариками или о приготовлении риса на ресторанной кухне не могло быть и речи. В конце концов мы подарили все привезенные с собой запасы, начиная с риса, одному из низших чиновников в комитете по приему, человеку по имени Ламберт, и еще считали, что нам повезло, когда он согласился все это принять.

Наше незнание местных обычаев доставило нам немало хлопот, над которыми мы потом долго смеялись. Официант, которого мы послали за табаком, слово «сигаг» принял за «сугаг» и, естественно, принес нам сахар. Наш доктор думал, что купил женьшень (ginseng), а оказалось, что это был молотый имбирь (ginger).

В те времена Япония была страной, закрытой для иностранцев, и меры, которые принимались, чтобы помешать нам встретиться с ними, были зачастую смехотворны, хотя мы и находились в их стране. У нас было три эмиссара — Такенуси, Мацудаира и Киогоку. Последний должен был следить за нами и имел в своем подчинении несколько специально подготовленных для этой цели агентов. Под их неусыпным надзором встречаться с иностранцами было очень трудно. Все мы были официальными лицами Бакуфу, но трое из нас — Мицукуи Сюбеи, Мацуки Коан и я — были особенно близки между собой и преследовали одну и ту же цель. Мы подружились, будучи студентами, и к этому времени уже старались увидеть все, что только можно было увидеть. Наши исполнительные агенты были не в восторге от этого, если учесть, что мы все трое занимали невысокое положение и, что еще хуже, читали западные книги — факт, который заставлял их быть все время начеку. Поэтому нам было приказано, выходя из гостиницы, брать с собой одного из агентов, который следовал бы за нами повсюду. Тем не менее у нас не было никаких намерений предавать свою страну, а опасения, что мы выдадим какие-либо государственные тайны, и вовсе не имели никаких оснований. Поэтому постоянно следовавший за нами человек непривычной наружности просто вызывал раздражение. Это само по себе было отвратительно, но, когда наш надзиратель был чем-либо занят, мы вообще не могли выйти из отеля, что выводило нас из себя. В таких случаях я говорил своим друзьям: «Пустяки! Просто путешествуя по Европе, мы таскаем с собой нашу наглухо закрытую Японию!» И мы все смеялись.

Не как у нас

Юань Цзучжи

Юань Цзучжи (1827 — 1898), родившийся в семье известных китайских литераторов, вместе с группой китайских политических деятелей посетил в 1883 г. Европу. Некоторое время спустя он опубликовал краткий путеводитель по Западной Европе, содержащий полезную информацию для китайских путешественников. В помещенном справа отрывке проводится детальное сравнение особенностей китайской и европейской культур. С известной долей юмора автор стремится показать достоинства китайской цивилизации.

Нельзя сказать, что в обычаях Запада и Китая совсем уж нет ничего общего. Если в некоторых случаях они и отличаются друг от друга, то это неудивительно, учитывая десятки тысяч ли, которые разделяют эти две части мира. Но иногда они резко противоположны. Так, например, в Китае место почетного гостя всегда слева от хозяина, а на Западе — справа; мужчины на китайской земле в большем почете, чем женщины, на Западе же все как раз наоборот.

В Китае двери и окна всегда оставляют широко открытыми; на Западе двери и ворота делают для того, чтобы их закрывать. В Китае, прежде чем садиться за стол, люди для удобства снимают нарядную одежду, в то время как на Западе нельзя явиться на прием, не будучи соответственным образом одетым. То же происходит и дома. В Китае роль женщины состоит в том, чтобы заботиться о других и обслуживать их; на Западе жена задает тон, а удел мужа — повиноваться.

В Китае место женщины в доме, а мужчины — вне его; все, что говорится в доме, никогда не выходит за его стены, а то, что говорится вне дома, никогда не проникает в него. Вот почему женщина, сидя дома, пользуется большим уважением за свои добродетели. А на Западе женщины только и думают о том, куда бы им пойти; улицы запружены их юбками и сверкают от их драгоценностей. Их всегда можно встретить в толпе прохожих и среди путешественников. Муж не может запретить своей жене выезжать, а если он это и делает, то рискует подвергнуться судебному разбирательству и тюремному заключению. В Китае лица разного пола не должны касаться друг друга, когда передают из рук в руки какой-либо предмет; на Западе же, когда мужчина и женщина пожимают друг другу руки, — это всего лишь проявление почтения.

В Китае мы считаем неприличным целовать другого человека; на Западе же объятия и поцелуи являются проявлением вежливости и уважения.

В Китае не принято пить холодную воду, ибо от этого могут появиться боли в желудке, в то время как на Западе ею утоляют жажду во время жары. В Китае вино, перед тем как пить, всегда подогревают, на Западе же его пьют только холодным. В Китае основные блюда всегда подают вначале, а затем уже следует суп; на Западе суп идет первым... В Китае стараются не есть говядины, потому

что скот нужен для работы. На Западе для работы используются лошади, а быки идут на мясо.

В Китае женщины носят одежду, чтобы защититься от холода и ветра; они будут испытывать величайший стыд, если какая-либо часть тела окажется открытой. На Западе женщины обнажают плечи и грудь, однако тщательно следят за тем, чтобы из-под платья не выглядывали нижние юбки...

В Китае во время еды не разговаривают, а над сплетниками и болтунами всегда смеются. На Западе, если вы за едой не будете поддерживать разговор, подумают, что вы больны...

В Китае молодые люди не отпускают бороду или бакенбарды и, только достигнув зрелости, перестают бриться. На Западе совсем наоборот.

Китайцы никогда не допустят, чтобы волосы падали им на лицо; на Западе же обожают кудри.

В Китае считается невежливым появляться без головного убора, соответствующего случаю; на Западе же при встрече с другим человеком мужчинам положено снимать шляпу...

Китайцы, считая на пальцах, загибают их, жители Запада, наоборот, разгибают...

В Китае кожуру с овощей и фруктов счищают лезвием ножа, направленным от себя, на Западе — к себе...

В Китае, когда глава дома приглашает гостей на обед, хозяйка удаляется и не встречает гостей. На Западе она должна не только быть с ними, но и пожать руку почетному гостю, под руку вести его к столу, а потом в гостиную.

В Китае, когда люди знакомятся, они, прежде чем начать разговор, узнают имена друг друга. На Западе вступают в разговор, даже не потрудившись потратить несколько минут на такие мелочи; здесь только обмениваются визитными карточками, если в ходе беседы в этом возникает необходимость.

Две модницы: француженка (1910) и китайка (1930).

Photo © Boyer-Viollet, Paris

Photo © H. Roger-Viollet, Paris

В Китае верхние этажи дома являются самыми почетными, что противоположно обычаям Запада, где на четвертом или пятом этаже живут слуги.

В Китае волосы женщин ценят за их блеск, изящество прически и черный цвет. На Западе людям нравятся вьющиеся и очень светлые волосы, причем их обычно носят распущенными. Китайские дамы гордятся своими длинными заостренными ногтями; на Западе же прилагают немалые усилия, чтобы их подстригать. Ногти считают красивыми, если они имеют округлую форму, подобно концу пестика для ступки.

В Китае белый цвет — это цвет траура, а красный — женитьбы, замужества и радости. На Западе радость олицетворяет белый цвет, в то время как черный носят в знак траура. В Китае руки и лицо моют после еды, а на Западе — до еды.

В Китае черное платье надевают для выполнения грязной работы. На Западе — это цвет официальной одежды.

Китайские женщины оскорбляются, когда их пристально рассматривают. На Западе женщинам льстит, когда все обращают на них внимание и разглядывают их. Это считается комплиментом.

Китайский суд гордится тем, что стремится уменьшить налоги и облегчить пошлины, в то время как на Западе люди без всяких колебаний соглашаются на произвольную уплату налогов и уступают различного рода вымогательствам. В Китае богатые семьи наполняют добром подвалы и чердаки, в то время как на Западе богачи стремятся вложить деньги в какое-нибудь дело.

В Китае мысль показать свое обнаженное тело приводит в ужас женщин, на Западе — мужчин.

И так перечислять эти различия можно бесконечно...

Nouvelles lettres édifiantes et curieuses d'Extrême-Occident par des voyageurs lettrés chinois à la Belle Epoque
© Editions Seghers, Paris, 1986.

«Баль Мабий» — один из популярных танцевальных залов Парижа в середине XIX в. (гравюра 1867 г.).

Демократия танцевального зала

Доминго Ф. Сармьенто

Писатель, неутомимый просветитель и государственный деятель Доминго Фаустино Сармьенто (1811—1888) в 1868 г. стал президентом Аргентинской Республики. Ему принадлежит шедевр испано-американской литературы, эссе «Факундо» (1845) — страстное обличение диктатуры, причину которой он видел в столкновении сил «цивилизации и варварства» в своей стране. В 1846 г. Сармьенто был направлен в Европу с официальной миссией: изучить методы просветительской деятельности. Собрав обширный материал, он подготовил подробный доклад «Об образовании народа». В 1849 г. были опубликованы его «Путевые очерки» — живо написанный отчет о поездке в Европу. Размышления Сармьенто о равенстве, возникшие под влиянием атмосферы танцевальных залов Парижа, приобретают более глубокое значение, если принять во внимание его решение оставить родину, где царила диктатура Хуана Мануэля Росаса, и поселиться в Чили.

Эти глубокие раздумья привели меня к мысли о танцевальных залах в Париже, которые время от времени я посещаю, чтобы как-то сгладить свою тоску по дому. У меня нет ни времени, ни склонности, ни средств, чтобы предаваться восхитительному легкомыслию, которому я завидую в других. О, если бы только я имел 40 тысяч песо, какой бы год я провел в Париже! Какими бы воспоминаниями я скрасил себе свою старость! Но я благодарю: довольствуюсь лишь созерцанием счастья других и не живу за чужой счет.

Парижские танцевальные залы — это общественные заведения, больше всего похожие на театры, которые они пытаются перещегоолять своей роскошью, великолепием и элегантностью. «Раннелаг», если взглянуть на тех, кто сюда приходит, не уступает итальянским оперным театрам. Здесь я встретил Балзака, Жорж Санд, Сулье и других известных литераторов. В «Шато-Руж» в конце месяца зажигают 80 тысяч ламп, «Баль Мабий» привлекает самых известных танцоров, «Шомьер» — райская обитель студентов Латинского квартала — это крепость, у входа в которую даже полицейские оставляют свое оружие.

Эти общественные танцевальные залы работают через день, открывая свои двери тысячам посетителей. Вход для мужчин платный: иногда — три франка, иногда — два, по понедельникам — один франк пятьдесят сантимов и пять франков в конце месяца, когда устраивается «Большой праздник». Дамы принадлежат к самым разным слоям общества. Они за вход не платят и ведут себя более или менее свободно, что зависит от дня недели и от их отношений с тем мужчиной, который покупает им билет: либо за один франк пятьдесят сантимов, либо за пять франков, сообразно своим средствам. Благовоспитанные дамы приходят сюда лишь посмотреть, а молодые женщины всех классов — заядлые танцоры и постоянные посетительницы того или иного зала. Помещение украшено с изысканным вкусом: вазы и статуи возвышаются над массой листвы и платформами с редкими ароматными цветами; здесь под яркими огнями газовых ламп, на асфальтированных дорожках среди покачивающихся разноцветных китайских фонариков вальса пар отплясывают кадрили, зажигательные польки или кружатся в вихре дества.

Здесь рождаются имена, такие же значительные для европейцев, как Дюма или Рашель. Когда Ла Риголетта появляется со своим партнером, все внимание приковано к ней и вокруг нее образуется круг зрителей. Английские лорды и русские князья платят до 100 франков, чтобы оказаться в первом ряду. Под звуки корнета, перекрывающего другие инструменты немецкого оркестра, людская масса постепенно оживает, приходит в движение и начинает лихо отплясывать. Танец убыстряется и делается темпераментным и страстным, раскрывая натуру каждого танцора: мечтательность и чувственную томность одних, экстравагантность и безудержную удаль других. Ла Риголетта, увлеченная танцем, полностью растворяется в нем, и в движении теряются очертания ее тела. Поклонники стоят тесным кругом, зажигая ее своими аплодисментами, дурманя возгласами, пока вдохновение не овладеет провидицей и не взорвется страстью, поэтическим всплеском гения и не выльется в невероятные пируэты и вакхические изгибы...

Драматическая напряженность этих сборищ имеет свою положительную сторону: здесь происходит нивелировка классов, представители которых получают возможность свободно общаться друг с другом. Простые женщины развлекаются наравне с молодыми аристократками, их манеры становятся более утонченными. Люди обретают здесь нечто вроде единства и однородности. Среди этой компании, вкушающей удовольствия, в которых можно потопить свое горе, беднейшие слои также получают свой кусочек счастья.

Китайский генерал в Париже

Чэнь Цзитун

Генерал Чэнь Цзитун, ученый, получивший традиционное образование, и прекрасный каллиграф, в течение нескольких лет был военным атташе Китая в Париже. Находясь в столице Франции, он завязал дружеские отношения со многими западными писателями и художниками, в частности с французским художником Феликсом Регаме, который, побывав в Японии и других странах, привез из своих путешествий множество портретов и зарисовок. В 1890 г. Регаме опубликовал во французском журнале статью о своих поездках в Японию и в Китай. Она вызвала резкое недовольство генерала, который написал ответную статью, полную сарказма и иронии. Отрывок из нее помещен ниже. К тому времени Чэнь Цзитун уже опубликовал на французском языке восхваляющую Китай книгу «Какими видят себя китайцы», которая вышла в Париже в 1884 г.

Мой высокочтимый друг г-н Феликс Регаме недавно опубликовал очень интересную статью «Япония глазами художника».

Я давно знаю его как человека, как художника и как способного востоковеда и глубоко его уважаю... Но эта статья, напечатанная в «Revue bleue», несказанно меня удивила. Я понял, что г-н Регаме не видел Китая. Да, он действительно был там, но я вынужден напомнить ему слова, сказанные им самим Пьеру Лоти: «Опасно полагаться на наблюдения, сделанные во время стоянки корабля».

Стоило ему на одной из улиц Кантона присесть на свой раскладной стул, чтобы сделать несколько зарисовок этого интересного и действительно уникального города, как знаменитый художник был сразу же обескуражен любопытством окружившей его толпы и замечаниями по поводу его поведения и жестов. Он быстро возвратился на свой корабль и отплыл в Японию, где пробыл несколько дольше и был лучше принят. Поэтому вернувшись во Францию, он пришел к выводу, что Китай намного уступает Японии. Следует признать, что с его стороны это вполне естественно. Я не могу взять на себя смелость упрекать за это человека, который очень мало видел Китай и близко познакомился с Японией.

Но должен сказать, что, если бы я действовал как г-н Регаме и несколько неприятных эпизодов отбили бы у меня желание продолжать путешествие, я никогда не узнал бы Европы. Помню, как в 1877 году, впервые приехав в Берлин, я пошел прогуляться по Кайзер-Галлери — что-то вроде Пассажа д'Опера, — где меня вскоре окружила такая толпа, что ни войти в галерею, ни выйти из нее оказалось буквально невозможным. Чтобы избавиться от этого беззастенчивого любопытства, я был вынужден зайти в магазин и попросить хозяина вызвать полицию, чтобы она помогла мне выбраться оттуда.

Толпа неимоверно галдела. Люди что-то говорили — конечно, на немецком языке, которого я тогда не знал. Я не обладал столь острым восприятием, как мой друг Регаме, который в аналогичном случае сразу же понял, что звучащая вокруг него китайская речь была полна «презрительных слов и чудовищных ругательств».

Этот случай не был единственным. Когда Китай открыл в Берлине дипломатическую миссию, любопытные прохожие ходили за моими соотечественниками буквально по пятам. Они окружали и толкали их, причем среди зевак было так много детей, что ректору университета пришлось включить в школьный устав специальную статью, которая гласила: «Учащимся запрещается ходить за китайцами и досаждать им».

Однажды в Париже, когда я любовался в Лувре одним из шедевров фламандской школы, две стоявшие позади меня дамы, которые, как мне показалось, только что приехали из провинции, громко спорили о том, мужчина я или женщина. Кажется, проиграла пари та, что была посимпатичнее...

Такие случаи, несомненно, обескуражили бы г-на Регаме, меня же они просто забавляли. Я знаю, что наряду с праздным любопытством, которое отличает невежд всех рас и народов, можно встретить учтивость и гостеприимство тех, кто понимает, что с иностранцем нужно обращаться тактично. И именно эту светлую сторону надо всегда замечать и ценить.

Настоящих художников в моей стране так же мало, как и везде. Однако те, кто не слишком талантлив, имеют скромность не выставлять свои картины. Но искусство в широком смысле слова составляет часть нашего образования. Еще детьми мы учимся не только каллиграфии, но и рисованию карандашами, тушью и акварелью. И учитель считает, что его ученики ничему не научились, до тех пор пока они не смогут нарисовать облако, гонимое ветром, — а это гораздо сложнее, чем передать движение человека, падающего с крыши. Правда, натура для этих рисунков всегда под рукой — ветры и облака можно увидеть повсюду, в то время как люди, падающие с крыш, о чем рассказывает г-н Регаме, на мой взгляд, довольно большая редкость...

Я согласен, что китайские дети — так же, как и японские, что бы ни утверждал г-н Регаме, — увидев иностранца, часто пугаются и плачут. Но спросите любого отца, что же в этом странного? Если бы у г-на Регаме были дети, он бы знал, как они убегают при виде нового лица и плачут, если им приказывают остаться. Так вели себя дети во все времена и во всех странах. Они пугаются не «иностранца», а «незнакомого». Таким образом, в Китае, как и везде, дети лишены какого-либо (я прошу читателей извинить меня за это выдуманное мной ужасное слово) антиинтернационального инстинкта.

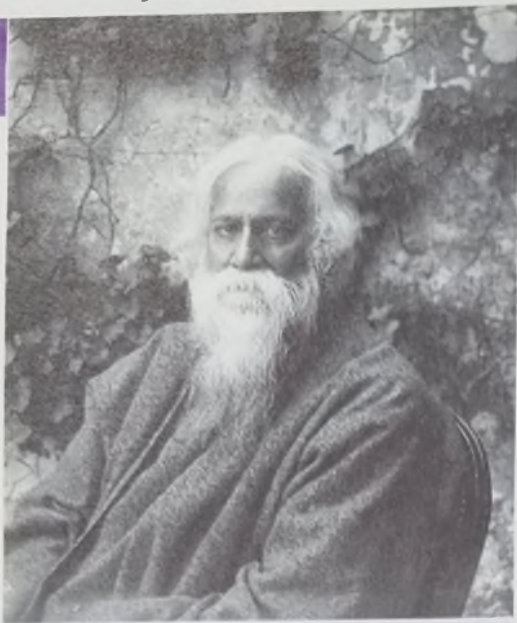
Цветная акварель французского художника Феликса Регаме (1844—1907), сделанная с натуры в 1874 г. в качестве иллюстрации к книге «Promenades japonaises» Эмиля Гимэ, основателя Музея восточных культур в Париже, носящего его имя.

La Chine vue par un artiste—Réponse à M. Félix Regamey. «Revue bleue», Paris, 29 novembre, 1890.

Photo © Giraudon, Paris. Musée Guimet, Paris

Photo © Harlingue-Violet, Paris

Индийский поэт в гостях у английского священника

Рабиндранат Тагор

Выдающийся представитель современной индийской литературы, великий бенгальский писатель Рабиндранат Тагор (1861—1941), удостоенный в 1913 г. Нобелевской премии по литературе, не только создал большое число произведений, но и очень много путешествовал. Во второй половине своей жизни он несколько раз посещал Англию и США, совершал поездки по Европе и Азии, встречался с писателями и учеными, читал лекции об индийской цивилизации. Он выступал за сближение Востока и Запада и неоднократно высказывал свою точку зрения относительно общности культур разных народов. В 1912 г. Тагор побывал в Англии. Во время этого визита ирландский поэт и драматург Уильям Батлер Йейтс познакомил его со своим переводом на английский язык самого знаменитого сборника Тагора «Гитанджали» («Жертвенные песнопения»). Часть лета 1912 г. Тагор провел в Стаффордшире в доме приходского священника.

Стоит август — самый разгар лета в Англии; городские жители стремятся на свежий воздух, к зелени и сельской прохладе. Они заполняют парки и лужайки, едут за город, как только выпадает несколько свободных часов. Присоединившись к этому потоку, мы тоже отправляемся в путь.

У дома нас встретила хозяйка. Мы прошли в уютную гостиную, где уже горел камин. Дом был не старый, как у большинства приходских священников, а новый, недавно построенный; сад тоже был разбит совсем недавно, возможно, посажен руками самих хозяев. Вокруг лужайки яркими красками горели цветы. Мне никогда не приходилось наблюдать такой богатой и свежей растительности. Не увидев это собственными глазами, трудно поверить, что трава может быть такой густой и изумрудно-зеленой.

Комнаты дома были прибраны и опрятны, в библиотеке много книг по самым разным предметам; нигде ни следа неряшливости. Мебель, убранство и комфорт — все это на более высоком уровне, чем в нашей стране; каждый предмет содержится в безукоризненной чистоте. Здесь не выносят небрежности.

К вечеру мы с нашим хозяином м-ром Утрэмом отправились на прогулку; дождь перестал, но небо по-прежнему затягивали облака. Со всех сторон нас окружала свежая зелень лугов, разделенных низкими изгородями. И хотя кругом были холмы, очертания их были мягкими и спокойными; в щедрости земли царила удивительная гармония.

Во время прогулки нам встретился один из знакомых м-ра Утрэма. Из их беседы я узнал: для того чтобы способствовать развитию садоводства, у фермеров есть сельский комитет. Несколько дней назад они устраивали конкурс, и этот знакомый м-ра Утрэма получил первый приз за выращенные им цветы. Вместе с м-ром Утрэмом мы зашли в несколько домов фермеров. Возле каждого коттеджа был сад и огород. Всюду царила атмосфера трудолюбия, счастья и тихой радости. Вернувшись с поля, фермеры трудились в своих цветниках. Я имел случай видеть много других доказательств людского братства, созданного усилиями м-ра Утрэма и сельских фермеров из его прихода.

Религия, возведенная в ранг института, временами может мешать прогрессу, но, несмотря на это, дух религии здесь очень силен, и нет никаких сомнений в том, что духовенство поддерживает моральные устои сельского населения на довольно высоком уровне. В нашей стране эта миссия была возложена на брахманов, но, поскольку вся система основывалась на *варнах*, это привело к неизбежному пренебрежению индивидуальной ответственностью. Я не верю, что все духовные лица следуют в своей жизни идеалу Христа, но ведь они не являются священниками по рождению и потому должны нести ответственность перед обществом. Они вряд ли пойдут на то, чтобы их репутация была опорочена, и в целом придерживаются чистоты и безупречности как идеала религии.

Конечно, духовенство обеспечивает отправление религиозных обрядов всех общин, но этого недостаточно — серьезные общечеловеческие проблемы, время от времени возникающие перед страной, требуют духовной силы и вдохновения, которых нет у официальной религии. Такие проблемы должны решаться священниками, в сердцах которых звучит музыка слов Христа. Но как редко это случается!

Кабинетные путешественники

Многие люди, мечтая о далеких странствиях, предпочитают оставаться дома, давая волю своему богатому воображению. Описания вымышленных путешествий появились в литературе давно, их можно часто встретить и сегодня в научно-фантастических романах. Среди таких «кабинетных путешественников» много крупных писателей с мировым именем. Отрывок, помещенный ниже, является примером того, как сила воображения преодолевает границы времени и пространства.

На его часах было уже семь; до отхода поезда, который отбывал в восемь пятьдесят, у него как раз оставалось время, чтобы поужинать. Он подсчитал в уме, сколько времени потребуется на переезд из Дьепа в Ньюхейвен, на минуту задумался и, наконец, сказал себе: «Если время указано в путеводителе правильно, то я прибуду в Лондон завтра в полдень, ровно в 12.30...»

Пока официант накрывал для него столик, Дез Эссент рассматривал своих соседей... Его окружала толпа остротян с кукольными голубыми глазами, розовощеких, с важными, высокомерными лицами, просматривавших иностранные газеты; среди них он заметил и несколько женщин, которые сидели за столиками по двое, без мужчин; это были крепкие, здоровые англичанки с мальчишескими лицами, зубами, похожими на мастихины, красными, как яблоки, щеками, длинными пальцами и большими ногами. Они с восторгом уплетали горячие ромштексы с грибным соусом, мясо было покрыто со всех сторон корочкой из теста, наподобие пирога с фруктами.

Прожорливость этих пышущих здоровьем женщин внезапно вернула ему аппетит, который давно не посещал его. Сначала он заказал густой, жирный суп из бычьих хвостов и съел его с наслаждением; затем, тщательно изучив меню рыбных блюд, он попросил копченой трески, которая также пришлась ему по вкусу, и уже потом, глядя на своих соседок, побуждаемый стадным чувством, он съел огромную порцию ростбифа с картофелем и запил его парой кружек эля, смакуя терпкий, отдающий коровником аромат этого прекрасного светлого пива...

На протяжении всей своей малоподвижной жизни он испытывал сильное тяготение только к двум странам — Голландии и Англии. Не будучи в силах устоять перед соблазнами, он выбрал первую из них и в один прекрасный день, оставив Париж, поочередно посетил все города Голландии, Бельгии и Люксембурга. В целом это путешествие принесло ему жестокое разочарование. Он представлял себе Голландию такой, как ее изображали Тенирс и Ян Стен, Рембрандт и Остаде...

Все еще раздумывая о постигшем его разочаровании, он снова посмотрел на часы: до отхода поезда оставалось всего десять минут.

«Надо попросить счет и идти», — сказал он себе. «Вставай и иди», — повторял он себе, но эти приказы, не успев осуществиться, тут же отменялись. В конце концов, какой смысл куда-то ехать, когда человек с таким же успехом может путешествовать, оставаясь в своем кресле? Разве он и так уже не побывал в Лондоне, не стовал, запахов этого города, его погоды, не повидал его жителей, не отведал их традиционной еды, не держал в руках их ножей и вилок? Что ждет его по ту сторону пролива, кроме новых разочарований, подобных тем, какие он испытывал в Голландии?

Теперь у него оставалось время только, чтобы добежать до вокзала, но несказанное отвращение к путешествию, непреодолимое желание остаться там, где он был, охватывали его все сильнее и настойчивее. Погрузившись в раздумье, он продолжал сидеть, теряя время и отрезая себе путь к отступлению.

«Если идти сейчас, — убеждал он себя, — придется бежать, подгонять носильщиков быстрее везти мой багаж. Как это утомительно!»

И он снова начал убеждать себя: «Ведь если над этим как следует поразмыслить, то все, что я хотел увидеть и испытать, я уже увидел и испытал. Выйдя из дома, я сразу же окунулся в английскую жизнь, и было бы безумием рисковать и испортить эти незабываемые впечатления в результате неуклюжей перемены места. У меня, должно быть, помрачился ум, если я хотел отказаться от своих прежних убеждений, от видений моего послушного воображения и поверить, как какой-нибудь дурачок, что ездить за границу необходимо, интересно и полезно».

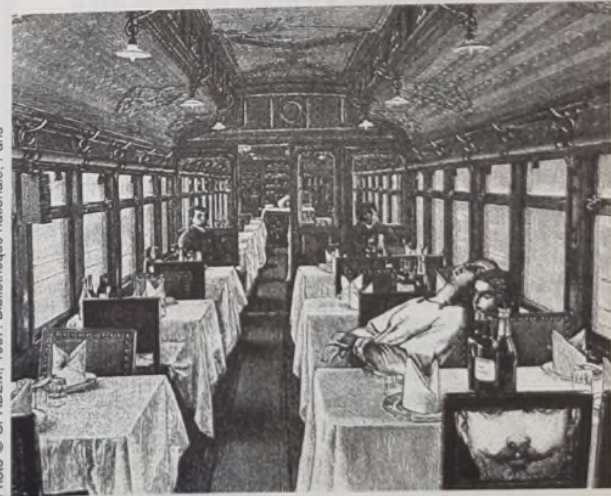
Он посмотрел на часы.

«Пора домой», — сказал он. На этот раз он действительно встал, вышел из таверны и велел извозчику отвезти его обратно на вокзал де-Со. Оттуда он вернулся в Фонтене, вместе со своими сундуками и пакетами, своей дорожной сумкой, пледом, зонтиками и тростями, испытывая физическую и моральную усталость человека, наконец-то приехавшего домой после долгого и опасного путешествия.

Париж-на-Темзе

Жорис Карл Гюисманс

Герцог Жан Флорессас дез Эссент, герой романа «Наоборот» (1884) французского писателя Жориса Карла Гюисманса (1848—1907), несмотря на свое благородное происхождение и богатство, оказывается в плену у скуки. Пытаясь уйти от реальной жизни, он погружается «в пучину кошмаров и сновидений». Дез Эссент — олицетворение рафинированного декаданта, воплощение духа европейского искусства и литературы конца века, один из самых ярких образов мятущегося сознания, созданных в мировой литературе. Гротескный и в то же время трогательный, он чем-то напоминает Дон Кихота. Ужиная в английской таверне в Париже, этот «путешественник» воображает, что находится в диккенсовской Англии.

«Цепеневший поезд», коллаж Макса Эрнста (1891—1976) из серии «La Femmes 100 têtes» (1929). Один из шедевров сюрреализма.

A Rebours. Editions Gustave Charpentier, Paris, 1884.

Плывущие чтоб плыть

«Но истые пловцы — те, что плывут без цели: Плывущие, чтоб плыть!» Эта строка из стихотворения Бодлера до сих пор не устарела. Какими бы серьезными ни казались мотивы путешествия — открытие, паломничество, исследование, торговля, археологические изыскания, — для страстного путешественника это всего лишь предлог. Он отправляется в путь, потому что его манит дорога, влечет неизведанное.

О пользе повиновения принцессам

Ибн Баттута

«Ни один умный человек, — сказал однажды Ибн Джузаи, писец, которому Ибн Баттута диктовал свои мемуары, — не может усомниться в том, что этот шейх является величайшим путешественником своего времени». Однако Ибн Баттута (1304—1368 или 1377) был величайшим арабским путешественником не только средневековья, но и всех времен. Отправившись в 1325 г. из своего родного Танжера (Марокко) в Мекку, он совершил полное приключений путешествие, которое продолжалось почти тридцать лет и привело его в Китай. Первая часть его странствий проходила по Ближнему Востоку, вторая, более продолжительная, — по Центральной и Восточной Азии. Не успел он вернуться в Танжер, как снова отправился в путь, на этот раз в Сахару и Судан. Составленное им описание этих районов является единственным документом такого рода, сохранившимся со времен средневековья. Ибн Баттута не был географом подобно великому Идриси (1100—ок. 1165), автору знаменитой «Книги Рожера». Его записки о путешествиях («Рихла») — наблюдения умного, образованного и любознательного мусульманина. Помимо литературной ценности, они дают широкую картину мира XIV века. Публикуемый здесь отрывок, по-видимому, рассказывает о пребывании Ибн Баттуты на Филиппинах перед его поездкой в Китай.

Этот шедевр арабской картографии XVI в. взят из «Портулана Средиземного моря», книги навигационных карт, составленных Али ибн-Ахмадом ибн-Мухаммадом аль-Шарки из Сфакса (Тунис). В соответствии с представлениями о сторонах света, имевшими хождение в арабском мире в средние века, юг на карте располагается вверху. Средиземное море занимает центральное положение.

На второй день после нашего прибытия в порт Кайлукари принцесса Ордуджа в знак гостеприимства пригласила капитана корабля, секретаря, купцов, начальника пехоты и начальника лучников разделить с ней трапезу. Капитан сказал, чтобы я шел с ними, но я отказался, ибо не мог делить трапезу с неверными. Когда гости вошли во дворец, принцесса спросила: «Все ваши люди пришли?»

Капитан ответил: «Все, кроме одного — судьи, который не может есть вашу пищу».

«Приведите его», — приказала Ордуджа.

За мной пришли стражники; с ними были помощники капитана, они сказали мне: «Исполни волю принцессы».

Я пошел и увидел ее. Она сидела на высоком троне, предназначенном для торжественных случаев; перед ней стояли женщины со свитками в руках. Вокруг нее ниже трона в креслах из сандалового дерева сидели старые женщины — дуэньи, ее советницы. Здесь находились и мужчины. Обитый шелком трон под шелковым балдахином был сделан из сандалового дерева и инкрустирован золотом...

Я приветствовал принцессу. Она ответила мне по-турецки: «Khochmişep iakhchîmişep», что значит «Здравствуй, как поживаешь?», и пригласила сесть подле нее. Принцесса хорошо писала по-арабски. Она сказала одному из своих слуг: «Daouâh oué betec guétoûg», что значит «Принеси чернильницу и бумагу», и, когда он принес, написала: «Именем бога, милосердного и всепрощающего» и спросила меня: «Что здесь написано?»

Я сказал: «Tangry nâm», «Это имя бога».

Она ответила: «Khoch», что означает «Верно». Потом спросила меня, откуда я родом, и я сказал, что из Индии. «Это страна, из которой привозят перец?» (Малабар) — спросила она, и я ответил утвердительно. Она задала мне много вопросов о моей стране и ее истории, и я на все ответил. Затем принцесса сказала: «Я непременно должна пойти войной на эту страну и захватить ее, мне нравятся ее изобилие и тучные стада».

Photo © Bibliothèque nationale, Paris

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris. Bibliothèque nationale, Paris

«Г-н Каие размышляет над Кораном и делает записи», иллюстрация к первому изданию «Путешествий в Томбукту и Дженне» (1830) Рене Каие.

одежда мавров, было из европейских тканей. На нем был красный головной убор, обмотанный большим куском муслина, наподобие тюрбана, и сафьяновые туфли, напоминающие наши комнатные, изготовленные местным башмачником. Правитель часто посещал мечеть.

Как я уже говорил, в Томбукту много мавров. Их дома — самые красивые в городе. Торговля быстро приносит им богатство. Им шлют товары из Адрара и Тафилета, из Тауата, Ардамаса, Триполи, Туниса и Алжира. Они получают много табака и других товаров из Европы и отправляют их на судах в город Дженне и другие края. Томбукту для купцов — основной перевалочный пункт в этой части Африки. Здесь хранится вся соль с копий Тудейни, откуда ее доставляют караваны верблюдов. Мавры из Марокко и других стран, направляющиеся в Судан, останавливаются в Томбукту на шесть—восемь месяцев, занимаясь здесь торговлей и ожидая новых грузов для своих караванов.

Плиты соли связывают грубыми веревками, изготовленными из травы, растущей в окрестностях Тандаие. Эту траву собирают уже сухой, вымачивают, затем зарывают в землю, чтобы уберечь от солнца и восточного ветра, которые высушивают ее слишком быстро. Как только она вся пропитается влагой, ее выкапывают и вручную вьют из нее веревки. Мавры используют их для разных нужд. Подчас верблюды сбрасывают свой груз, и, когда караван приходит в город, плиты соли оказываются побитыми. Такую соль за дорого не продашь, но мавры знают, что делать: их рабы чинят соляные плиты и вновь стягивают их веревками, теперь уже более крепкими, сделанными из воловьих шкур. Рабы рисуют на плитах черные узоры в виде дорожек и ромбов. Они любят эту работу, поскольку она позволяет им собрать немного соли для себя. Как правило, люди этого сорта в Томбукту не столь несчастны, как в других местах. Их хорошо одевают и кормят, редко бьют. Они должны ходить в храмы и относиться к этой обязанности весьма добросовестно. И все-таки на них смотрят как на товар и отправляют их в Триполи, Марокко и другие места на побережье, где им живется хуже, чем в Томбукту. Они всегда с сожалением покидают этот город, хотя и не знают, что судьба уготовила им в будущем.

Уезжая, я видел, как несколько рабов трогательно прощались друг с другом, хотя и не были знакомы. Одинаковое бедственное положение рождает у них взаимное сочувствие, и они обмениваются советами, как лучше себя вести. Однако увозящие их мавры часто торопятся с отъездом и грубо обрывают эти душевные излияния, чтобы ни у кого не возникла жалость к их несчастной судьбе.

Journal d'un voyage à Temboctou et à Jenné, dans l'Afrique centrale... pendant les années 1824, 1825, 1826, 1827, 1828 © Editions La Découverte, Paris, 1979.

Усилием воли

Александра Давид-Неель

Востоковед и писательница Александра Давид-Неель (1868—1969) разделяла взгляды анархистов и буддистов. Она обладала неиссякаемой энергией и сильным характером, дерзновенностью мысли и отвагой. Александра Давид-Неель совершила многочисленные путешествия на Восток, прежде всего в Тибет, первой из европейских женщин проникла в Лхасу и провела там некоторое время. Она написала несколько книг, рассказывающих о ее путешествиях и о буддизме, в частности «Мистики и маги Тибета» (1929), из которой взят публикуемый ниже отрывок. В нем описываются приемы тоумо, позволяющие ламам (духовным вождям в тибетском буддизме) усилием воли излучать тепло.

Фото из альбомуа Le Tibet d'Alexandra David-Néel © Editions Plon, Paris

Александра Давид-Неель, одетая в платье нищей тибетской странницы, с котомкой за плечами. Благодаря такому одеянию ей удалось в 1924 г. проникнуть в Лхасу.

Иногда курс обучения тоумо завершается своеобразным экзаменом. В лунную зимнюю ночь те, кто уверен, что пройдет испытание, отправляются со своими наставниками к незамерзающему источнику. Если его поблизости не оказывается, во льду делают прорубь. Ночь должна быть очень ветреной. На Тибете такие ночи бывают часто.

Photo © All Rights Reserved

Шлем, принадлежавший, как считается, царю Сронцзангамбо (VII в.), основателю единого тибетского государства. Вместе с другими малоизвестными тибетскими редкостями этот шлем будет демонстрироваться на выставке «Сокровища Тибета», которая состоится в апреле—октябре 1987 г. в парижском Музее естественной истории.

* Те, кто овладел искусством *тоумо*. (Прим. автора).

Mystiques et magiciens du Tibet © Editions Plon, Paris, 1929

Размышления на «крыше мира»

Ян Мюрдаль

«Шелковый путь», по которому с незапамятных времен шли торговцы и путешественники, соединяет Запад с самым сердцем Китая. С детства мечтал Ян Мюрдаль пройти маршрутом великого средневекового путешественника Марко Поло. Этот шведский писатель (род. 1927) побывал во многих уголках мира «налегке», подобно поэтам и писателям поколения битников, пересек Европу и Азию. В 1957 г. он отправился на малолитражном автомобиле в Китай. Добравшись почти до Памира, Мюрдаль заболел и был вынужден отказаться от своей затеи. Но мысли о ней не оставляли его даже в больнице. Рассказ о его путешествиях был опубликован в Швеции в 1977 г.

* «Много тут больших диких баранов; рога у них в шесть ладоней и поменьше, по четыре или по три. Из рогов тех пастухи выделывают чаши, из них и едят; и еще из тех же рогов пастухи строят загоны, где и держат скот». — Книга Марко Поло. Глава L.

Кандидаты на звание *респа*^{*}, совершенно нагие, садятся на землю, скрестив ноги. В ледяную воду погружают простыни, затем их вынимают и ждут, когда они замерзнут и задубеют, после чего каждый из учеников заворачивается в простыню, которая должна оттаять и высохнуть на его теле. Как только простыня высыхает, ее снова окунают в воду, и испытуемый должен вновь в нее завернуться. Так продолжается до рассвета. Победителем считается тот, кто высушил на себе больше простыней.

Рассказывают, что некоторым удается высушить за ночь до сорока простыней. Однако нужно учесть возможные преувеличения, а также размер простыней, которые иногда бывают очень маленькими, чисто символическими. Но то, что *респа* действительно высушивают на себе несколько кусков материи размером с большую шаль, несомненно. Я видела это собственными глазами.

Необходимо высушить по крайней мере три простыни, чтобы быть признанным настоящим *респа* и носить белую юбку из хлопчатобумажной ткани, на что имеют право те, кто прошел обучение *тоумо*. По крайней мере так было раньше, но я сомневаюсь, чтобы сейчас это правило строго соблюдалось...

Кроме испытания высушиванием простыней имеются и другие. Одно из них — сидение на снегу. Объем и площадь растаявшего под *респа* снега указывает на количество испускаемого его телом тепла.

Трудно точно сказать, насколько значительны результаты обучения *тоумо*. Однако они налицо. В условиях заснеженного высокогорья отшельники живут совершенно нагими или всю зиму ходят прикрытые лишь куском тонкой материи. Это наблюдала не я одна. Члены экспедиции, пытавшиеся подняться на Эверест, издали видели таких отшельников. Что касается меня, то, занимаясь недолгое время *тоумо*, я добилась поразительных результатов. ■

Как только я выздоровел и был в состоянии думать о будущем, мы вернулись к нашим планам с целью продолжить прерванное путешествие. Мы обратились с просьбой разрешить нам отправиться в Ташкуртан, на Памир, и в Западный Китай. Ждать пришлось шестнадцать лет.

Женщины приносят нам мясо. За ними сквозь откинутый полог юрты видны горы, ослепительно белые на фоне темного неба. Мясо — баранина, та, о которой писал Марко Поло*. И это не только большая честь: она действительно имеет вкус мяса.

Люди, приютившие нас, похожи на тех, среди которых мы жили семнадцать лет назад, по ту сторону горы. Они приняли нас с тем же гостеприимством и врожденным достоинством... Мы сидим на таджикском ковре необычайной красоты, созерцая блюда с мясом и большие кувшины с кислым молоком, поставленные перед нами.

Я счастлив, что семнадцать лет не прошли даром, потому что я здесь. А отсюда дороги ведут на восток. Но обо мне никогда не скажут, что я шел маршрутом Марко Поло. Какая польза от того, что с 1949 года мы первые иностранцы, которые путешествуют по китайскому Памиру, какая польза в том, что мы прошли по дорогам и рекам от Нордкапа до Южно-Китайского моря, какая польза от тяжелого двадцатилетнего труда, направленного на то, чтобы добиться всего этого, когда перед нами несколько десятков километров пути через перевалы между Афганистаном и Китаем, которые мы не можем пройти? И эти несколько десятков километров зачеркивают все, чего я достиг.

Возможно, я получу разрешение, если буду ждать еще семнадцать лет. Пакистан когда-то обещал дать мне разрешение подняться на Ташкуртан этим маршрутом, и, если мне позволят пересечь границу Афганистана и спуститься в область Вахан, путешествие будет завершено. Тогда будет повторен маршрут не только Марко Поло, но и Фасяня и Сюань-Цзана. Вот о чем я мечтал, когда мне было одиннадцать лет, сидя летом на чердаке дома в шведской деревушке, — об этом и многом другом.

Возможно, я и получу разрешение, но к тому времени уже не смогу воспользоваться им. Опять слышится музыка: снаружи все еще танцуют. Выше 4000 метров мне становится тяжело... Высота перевала, которым мы шли, была 4700 метров. Я пошел взглянуть на гробницы чуть ниже дороги. Они

Photo Michaud © Rapho, Paris

Погонщик верблюдов из Ташкургана (Афганистан) готовит себе на ужин рис.

были очень похожи на те, что находятся в долине близ Ташкургана и в долине Башгул в Нуристане, у подножия Гиндукуша, к югу от этих перевалов. И так, у меня еще нашлись силы забраться так высоко, но через десять-двадцать лет я, конечно, уже не смогу этого сделать. Даже если я получу разрешение, я буду не в состоянии пройти по тем афганским перевалам. Ведь они еще выше, чем эти.

Странно, что я здесь, слушаю музыку и знаю, что теперь нахожусь так далеко, но не дальше.

Я сделал эти записки в лагере восточнее Ташкургана. Серое небо придало им некоторую сентиментальность. В путешествии есть нечто такое, что порой остается незамеченным.

Побывавшие здесь великие путешественники впоследствии описывали свои впечатления очень объективно, по-деловому. Они приводили вполне убедительные причины своих странствий: торговля, поиски религиозных текстов, стремление убедиться в том, что этот путь действительно ведет в Китай, желание составить карту местности. Прекрасно.

Мы тоже имели свои объективные цели. Обо мне писали, что я путешествую для того, чтобы описывать увиденное. Ну, что ж, и это прекрасно.

Но на самом деле этим не объяснишь, почему за последние двадцать лет я больше времени провел за границей, чем дома, в Швеции; еще труднее объяснить, почему отправлялись в путь великие путешественники, чьими рассказами мы так восхищаемся.

Ведь путешествие имеет третье измерение — странное, мучительное желание достичь недостижимого; рассвет в пути; приятное чувство усталости после того, как гора осталась позади; вкус моря, появляющийся во рту, прежде чем увидишь его; запах воды и растительности, преследующий тебя в пустыне; незнакомый ночной город, новые звуки, в которые вслушиваешься, замерев в темноте.

Путешествие — это не только знакомство с новым, но и прощание с ним. Путешественник открывает дверь и тут же закрывает ее, уходя навсегда. Но стоит ему закрыть глаза, он видит то место, которое когда-то покинул. Ни один город не всплывает так явственно в памяти по ночам, как тот, в который не суждено вернуться.

Именно здесь, на «крыше мира», понимая, что никогда не закончу своего путешествия, которое начал двадцать лет назад, я ощутил неодолимую потребность идти дальше и дальше не останавливаясь. Заметки и описания увиденного — вещь хорошая, полезная и разумная, но в третьем измерении они оказываются всего лишь обоснованием желания, истоки которого находятся в глубинах самой человеческой жизни.

Sidenvägen. En resa från höga Pamir och ili genom Sinkiang och Kansu.

Поправка

Главная редакция приносит читателям свои извинения за ошибку, допущенную в «Курьере ЮНЕСКО» № 3, 1987 г. В подписи к нижней иллюстрации на с. 6 вместо «Альп-д'Уэз (Верхняя Савойя)» следует читать «Альп-д'Уэз (департамент Изер)».

Курьер

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется ордена Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Главная редакция (Париж)

Заместитель главного редактора Ольга Родель
 Ответственный секретарь Джиллиан Уиткомб
 Помощники главного редактора
 русский яз.: Николай Кузнецов
 английский яз.: Рой Мэлкин
 Каролин Лоуренс
 французский яз.: Алэн Левэк
 Неда эль-Хазен
 испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос
 арабский яз.: Абдель Рашид аль Садек Мухаммади
 издания шрифтом Брайля:
 Документация: Виолет Рингельстейн
 Иллюстрации: Ариен Бейли
 Оформление: Жорж Серва и Жорж Дюкре
 Реклама: Фернандо Аниса
 Реализация: Генри Кнобил
 Специальные проекты: Пегги Джулиен

Национальные редакции

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
 японский яз.: Сеитиро Кодзима (Токио)
 итальянский яз.: Мирно Гвидогги (Рим)
 язык хинди: Рам Бабу Шарма (Дели)
 язык тамилы: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
 язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
 персидский яз.: Садуг Ванини (Тегеран)

голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
 португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
 турецкий яз.: Мефра Ильгазер (Стамбул)
 язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)
 каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марты (Барселона)
 малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
 корейский яз.: Пак Сен Гиль (Сеул)
 язык суахили: Домино Рутазбесибва (Дар-эс-Салам)
 македонский, хорватско-сербский, словенский, сербскохорватский языки: Божидар Перковиц (Белград)
 китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
 болгарский яз.: Горан Готев (София)
 греческий яз.: Николас Папагеоргиу (Афины)
 сингалский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда (Коломбо)
 финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
 шведский яз.: Лина Свенсен (Стокгольм)
 баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)
 тайский яз.: Савитри Сувансатхит (Бангкок)

«За безъядерный мир, за выживание человечества»

Переломные эпохи рождают свои приоритетные ценности — или возрождают старые, почему-то оказавшиеся в тени, но уже в новом качестве, обусловленном новым витком Истории. Еще не стали историей годы, когда мировое сообщество подхватило призывы к новому мышлению в ядерно-космический век — глобальному, планетарному, всеобщему. А уже сегодня мы видим, как все настойчивее протягивается нить, связующая новое мышление с поисками соответствующей ему новой нравственности.

Едва ли будет преувеличением связать необходимость разработки кодекса новой нравственности, которая должна лежать в основе нового мышления, с Международным форумом «За безъядерный мир, за выживание человечества» — именно здесь, на форуме в Москве, 14—16 февраля с. г., явственно и во всеуслышание прозвучала эта мысль. О преодолении межнациональных границ в нашем мышлении. О параметрах нового мышления, сменяющего старые, отжившие, традиционные концепции. Об изменении сознания человечества, стремящегося в новое — без ядерного оружия и войн — будущее. Форум как бы распахнул дверь в это будущее.

Он собрал более 1000 представителей различных сфер человеческого знания из 80 стран мира — ученых естественных и общественных наук, писателей, композиторов, художников, актеров, представителей деловых и религиозных кругов, даже несколько бывших генералов, занимавших большие посты в армиях своих стран, — людей не только различных профессиональных интересов, но разных политических, идеологических, религиозных взглядов, наконец, различных национальных и исторических традиций. Объединенных, однако, своими усилиями претворить в жизнь девиз этого форума.

А те, кто по той или иной причине не смог присутствовать на форуме, как Герберт фон Караян, например, или Станислав Лем, прислали в его адрес приветствия, выразив свою поддержку идеалам форума и единодушие с его участниками. Конечно, назвать всех участников форума здесь вряд ли было бы возможным, но перечислить даже несколько первых пришедших на память имен — из тех, что на слуху или на устах многих, очень многих людей во всем мире, — значит сказать о высоком представительстве форума:

Питер Устинов, Ф. фон Хилпелль, Ч. Айтматов, Марлос Нобре, Пьер Карден, Ф. Майор, Макс Фриш, К. Субраманиам, Эгон Бар, Нгуен Динь Тхи, Е. И. Чазов и Б. Лаун, А. Вознесенский, Грегори Пек, К. Фусими, митрополит Ювеналий, Д. С. Лихачев, Джон Огдон, Грэм Грин, Шарифутдин Пирзада, Ф. Дюрренматт, И. Фукушима, Е. П. Велихов, Дж. Гелбрэйт, Дж. Марини-Беттоло, Гор Видал, Йоко Оно, М. Пли-

сецкая, Хуан Антонио Бардем, Файрус, Е. Евтушенко, Р. Рао, К. Оэ, Макс фон дер Грюн, П. Дерек, Р. Хан, Д. Ходжкин...

Лучшие умы человечества организовали на форуме 8 «круглых столов», каждый из которых обсуждал свой круг проблем. «Новое мышление — путь к спасению планеты и решению глобальных проблем человечества», «Роль культуры в защите цивилизации и общечеловеческих ценностей», «Творчество и сохранение среды обитания» — вот вопросы, которые были в центре внимания деятелей литературы и искусства. Общественные деятели, политики и социологи рассмотрели соответствующие аспекты проблемы «Выживание в нашем взаимосвязанном мире», а ученые-естествоведы — проблемы ядерного разрушения.

Правление нового движения «Экофорум за мир» выступило инициатором «круглого стола», посвященного теме «Экология и мир», на котором анализировались такие проблемы, как «Современная экология и новое политическое мышление», «Ядерное разоружение — императив решения глобальной экологической проблемы», «Проблемы охраны от загрязнений околосреднего космического пространства» и др. О «Разоружении и экономической безопасности государств», «Экономическом сотрудничестве Восток—Запад», как и о ряде других аналогичных тем, говорили участники «круглого стола», назвавшие его «Проблемы мира и деловое сотрудничество».

Представители самых различных вероисповеданий рассмотрели религиозно-нравственные проблемы, возникающие в связи с продолжающимся накоплением ядерного и других видов оружия массового уничтожения людей, а также задачи по воспитанию верующих в духе укрепления доверия между народами, усилению их борьбы за устранение опасности ядерной катастрофы. Обеспечение состоянием здоровья и жизни населения всего земного шара, которому угрожают огромные запасы ядерного оружия, предложили свой «медицинский рецепт» — в качестве самого неотложного профилактического средства против «последней эпидемии», как они назвали ядерную войну, — медики: немедленное прекращение испытаний ядерного оружия и его запрещение.

Избавить мир от бремени ядерного оружия, не допустить милитаризации космоса, обеспечить человечеству будущее — к такому выводу пришли участники всех заседавших порознь «круглых столов» после свободных двухдневных дискуссий, споров, оказавшихся весьма плодотворными откровенных обменов мнениями. А на третий день они собрались вместе в зале заседаний Большого Кремлевского дворца, где перед ними выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, изложивший советскую концепцию решения коренных проблем современности, концепцию борьбы за выжива-

ние человечества в наш нелегкий ядерно-космический век.

В речи, получившей огромный резонанс во всем мире, М. С. Горбачев, в частности, сказал:

«Мы отвергли право руководства какой бы то ни было страны, будь то СССР, США или любой другой, выносить человечеству смертный приговор. Мы не судьи, а миллиарды людей не преступники, которых надо покарать. Поэтому и необходимо сломать ядерную гильотину. Ядерные державы должны перешагнуть через свою ядерную тень в безъядерный мир. И тем самым покончить с отторжением политики от общечеловеческих норм нравственности.

...Мы выстрадали новое мышление, которое призвано ликвидировать разрыв между политической практикой и общечеловеческими морально-этическими нормами...

В постядерную эру человечество должно прийти окрепшим, превозмогшим ядерный недуг. Оно приобретет иммунитет к насилию, к попыткам диктовать свою волю другим. Сейчас международные отношения обездушены культом силы, милитаризацией сознания. Отсюда и задача очеловечить международные отношения...

Для «очеловечения» международных отношений нужны соответствующие действия и в гуманитарной области... Это поможет создавать нравственные гарантии сохранения мира и тем самым содействовать выработке гарантий материальных... Народ, знающий и ценящий культуру и искусство других народов, не может к ним испытывать недобрых чувств».

Сегодня политика действительно перестает быть полем деятельности одних только политических лидеров, она становится все больше личным делом миллиардов людей на планете. Человечество начинает осознавать себя единым целым, народы учатся нелегкому, но так необходимому искусству наших дней — жить в мире друг с другом, едва ли не каждый житель Земли задумывается сегодня над судьбами мировой цивилизации.

Пройдут годы, и Время определит истинный смысл и значение международного форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», состоявшегося в Москве 14—16 февраля 1987 года, в год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, — форума, всем своим духом обращенного в будущее.

Но уже сегодня ясно, как жизненно необходима была всем нам эта встреча за «круглым столом» лучших представителей разных стран, разных социальных групп, разных психологий, разных культур, разных мировоззрений, наконец, форум стал своеобразным прообразом, некой моделью форм и способов разрешения спорных, дискуссионных международных вопросов.

И это вселяет надежду: мир устоит, человечество выживет. ■

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, т.: 247-18-40

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Зак. 1090.
Цветная вкладка отпечатана во Франции.

Shimizu

下	上	後	前	右	左	寒	湯	北	南	西	東	川	海	山	雪	雲	風	雨	地	天	月	日	
と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と
と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と	と

佛蘭西船

和蘭

長 豊

海